

КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ
XI МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

29 октября 2021 г.
Новосибирск

Часть 2

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Гуманитарный институт
НОЦ «Наследие»

III Международный научный форум «Наследие»

**КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Материалы
XI Международной научно-практической конференции
29 октября 2021 г.

Часть 2

Новосибирск • 2021

УДК 070:82-92
ББК С524.224.51я431
К 635

Сборник рекомендован к печати ученым советом
Гуманитарного института Новосибирского государственного университета

Редколлегия:

канд. филос. наук *В. Е. Беленко*, *Ю. С. Елисеева* (отв. секретарь),
д-р филол. наук *О. Д. Журавель* (отв. ред.), д-р ист. наук *А. С. Зуев* (отв. ред.),
канд. ист. наук *Т. И. Морозова*, канд. ист. наук *Н. Б. Симонова*,
канд. ист. наук *В. А. Слугина*

Рецензенты:

канд. ист. наук *О. А. Плех*,
д-р филол. наук *И. В. Силантьев*

К 635 Коммуникативная культура: история и современность : материалы
XI Междунар. науч.-практ. конф. 29 окт. 2021 г. : в 2 ч. / редкол.: О. Д. Жура-
вель (отв. ред.), А. С. Зуев (отв. ред.), Ю. С. Елисеева (отв. секретарь) [и др.];
Новосиб. гос. ун-т. — Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2021. — Ч. 2. — 132 с.

ISBN 978-5-4437-1262-8
ISBN 978-5-4437-1280-2 (часть 2)

Издание представляет собой сборник материалов XI Международной на-
учно-практической конференции «Коммуникативная культура: история и со-
временность». Мероприятие состоялось 29 октября 2021 г. в рамках орга-
низованного Гуманитарным институтом Новосибирского государственного
университета Международного научного форума «Наследие». Сборник со-
стоит из двух частей. Вторая из них посвящена политической коммуникации
в исторической перспективе с XV века до наших дней. В статьях исследо-
вателей из России и Узбекистана рассмотрен широкий спектр научных про-
блем, позволяющих лучше и глубже понять механику взаимодействия между
обществом и властью. Сборник ориентирован на профессиональных истори-
ков, преподавателей вузов и всех интересующихся вопросами политической
и межкультурной коммуникации.

УДК 070:82-92
ББК С524.224.51я431

ISBN 978-5-4437-1262-8
ISBN 978-5-4437-1280-2 (часть 2)

© Новосибирский государственный
университет, 2021

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПОЛИЭТНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИИ (XV–XIX ВВ.)

Сергей Александрович Денисов

Институт археологии РАН
117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
✉ densera@yandex.ru

DOI 10.25205/978-5-4437-1280-2-3-6

ПРУССКИЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ В ПОЛИТИКЕ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА В XV В.

XV столетие стало для государства Тевтонского ордена временем значительных политических перемен. Поражение от польско-литовского войска в битве при Грюнвальде в 1410 г. привело к отторжению Жемайтии и прекращению орденской экспансии на северо-восток. Ослабление внешнеполитического влияния сочеталось с нарастанием внутренних противоречий между Орденом и городами, которое перешло в открытый конфликт с участием Польского королевства, длившийся на протяжении 1454–1466 гг. Война привела к отторжению от Ордена восточных земель и установлению вассальной зависимости от польских правителей. В этих условиях значительно возросла роль сторонников Ордена, происходивших из прусского населения и инкорпорированных в социальную систему на положении

условных землевладельцев (ленников и локаторов). Данная группа, неся за свои участки военную службу и/или выплачивая налог, стала в конце XIII–XIV вв. опорой Ордена в его экспансии на северо-восток и одновременно обеспечивала культивацию земельного фонда [Petri de Dusburg, 1861. S. 160. № 260; S. 162. № 266; S. 163–164. № 269; S. 172. № 292; S. 175–176. № 308; S. 182. № 319–321; S. 181–182. № 324; S. 183. № 331; S. 185. № 338; S. 189. № 349; S. 189–190. № 351; Денисов, 2019. С. 70–79].

Залогом сохранения данных отношений в новых политических условиях XV в. стала политика братьев Ордена, направленная на поддержку прусских условных землевладельцев. Несмотря на ключевое значение для орденской государственности, отношения с прусскими землевладельцами не получили в историографии полного освещения. В некоторых публикациях исследовалось положение пруссов в отдельных областях государства [Białyński, 2009; Vercamer, 2010; Szczepański, 2016] или положение тех или иных категорий, вошедших в состав условных землевладельцев [Магузова, 1989. С. 281–287], в то время как политика Ордена в их отношении не получила должного освещения.

Для того, чтобы восполнить этот пробел, обратимся к сведениям актов, представленных грамотами, закреплявшими права и обязанности пруссов за надел, а также — к сведениям поземельной описи. Сведения источников рассматривались с помощью типологического, сравнительно-исторического и диахронно-синхронного методов, которые позволили соответственно выделить категории прусских землевладельцев и сравнить их положение в XV в. с тем статусом, которым они обладали в XIV в. В результате были собраны сведения о 1015 прусских землевладельцах, получивших наделы от Ордена в XV в. Их положение регулировалось нормами кульмской грамоты (несение службы и выплата налога в размере соответствующем наделу) или прусского права (несение военной службы за участок) [Codex Diplomaticus Warmienseis, 1864. S. 83–84, 119, etc.; Das Grosse

Zinsbuch, 1958]. При этом меры, указанные в источниках, позволили определить политику Ордена и Церкви в отношении прусских землевладельцев. Как и в XIV в. пруссы получали поддержку, выражающуюся в гибком отношении к условиям, при которых они получали надель. Прусский землевладелец при неблагоприятных условиях для обработки земли получал право пользования угодьями, прилегавшими к его участку (рыбная ловля в водоемах и охота в лесах), также в отдельных случаях освобождался от службы, его жизнь и здоровье защищались специальным штрафом — вергельдом [Codex Diplomaticus Warmiensesis, 1864. S. 83–84, 150–151, 167].

Сведения письменных источников согласуются с данными, полученными при археологических работах. В 1994 и в 1996–2001 гг. при исследовании некрополя Альт-Велау, расположенного в Надровии, был изучен обряд захоронения пруссов, живших в одноименном поселении. Сохранение инвентаря в погребениях, в том числе отражающего пережитки языческого поклонения животным (амулеты «медвежий коготь»), позволило дополнить картину, реконструируемую на основе письменных свидетельств. Орден не заботился о полной христианизации пруссов, оставляя это заботам Церкви [Валуев, 2006. С. 136–149], так как стремился получить, опираясь на них, Жемайтию и соединить свои прусские и ливонские владения. Фактическая лояльность Ордена к прежним верованиям пруссов в сочетании с детально разработанными методами регулирования поземельных отношений, свидетельствуют о том, что Орден стремился сохранить положение своих сторонников в тяжелой внешнеполитической ситуации. Выступая залогом стабильности положения прусских землевладельцев и поддерживая их представителей, Орден смог рассчитывать на ответную помощь, что позволило сохранить свое государство до 1525 г.

Литература и источники

Валуев А. А. Сохранение элементов языческих традиций в культуре пруссов в орденское время (по материалам археологических

раскопок могильника Альт Велау у пос. Знаменск Гвардейского района Калининградской области) // Археологические исследования в Калининградской области: сборник научных статей / отв. ред. В. Н. Маслов. Калининград: Издательство РГУ им. И. Канта, 2006. С. 136–149.

Денисов С. А. Прусские землевладельцы Наттангии под властью Тевтонского ордена в 1249–1370 гг. // Всеобщая история. 2019. № 4. С. 70–79.

Матузова В. И. Прусские нобили и Немецкий орден // Древнейшие государства на территории СССР. 1987 / отв. ред. А. П. Новосельцев. М.: Наука, 1989. С. 281–287.

Białuński G. Besiedlung und Bevölkerung im ordensstaatlichen und herzoglichen Preussen im Gebiet des «Grosse Wildnis» bis 1568. Hamburg: Verein für Familienforschung in Ost- und Westpreussen e.V., 2009. 462 S., 4 Karten.

Codex Diplomaticus Warmiensis. Bd. 2 / Hrgb. von C. P. Woelky, J. M. Saage. Mainz: Verlag von Franz Kirchheim, 1864. 674 s.

Das Grosse Zinsbuch des Deutschen Ritterordens (1414–1438) / Hgb. Vom P. G. Theil. Marburg: N. G. Elwert Verlag, 1958. 238 s.

Petri de Dusburg Chronicon terrae Prussiae // Scriptorum rerum prussicarum. Bd. 1 / Hrgb. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1861. S. 21–219.

Szczepański S. Pomezania Pruska. Dzieje osadnictwa w XIII–XV wieku. Olsztyn: Ośrodek Badań Naukowych im. Woiciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie, 2016. 412 s., mapa.

Vercamer G. Siedlungs-, Sozial- und Verwaltungsgeschichte der Komturei Königsberg in Preussen (13–16 Jahrhundert) / Einzelschriften der Historischen Kommission für ost- und westpreussische Landesforschung. Bd. 29 / Hrgb. Von U. Arnold. Marburg: N. G. Elwert Verlag, 2010. 656 s., 14 Karten.

Наргиза Икрамовна Каримова

*Джизакский государственный педагогический
институт имени Абдуллы Кадыри
130100, Узбекистан, г. Джизак, пр-т Ш. Рашидова, 4
✉ nargiz_82_88@mail.ru*

DOI 10.25205/978-5-4437-1280-2-7-13

**ПО ПУТИ ТОРГОВЫХ КАРАВАНОВ:
ПРОБЛЕМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА
И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XV — НАЧАЛО XX В.)**

Великий шелковый путь является своеобразным феноменом в истории развития человечества, его стремлении к единению и обмену межкультурными ценностями, завоеванию жизненного пространства и рынков сбыта товаров. Этот крупнейший в истории человечества межконтинентальный торговый путь связывал межкультурные коммуникации на евразийском пространстве и простирался от Китая до Средиземного моря. Известно, что по Великому шелковому пути не только проходили торговые караваны, но и распространялись межкультурные достижения народов, духовные ценности, религиозные идеи. По караванным дорогам на протяжении тысячелетий путешествовали ученые, исследователи, государственные деятели и воины.

Важно отметить, что этот путь никогда не был единой магистралью, а включал в себя различные торговые маршруты. Так, одна из главных дорог, пересекающих Азию с востока на запад, начиналась в столице древнего Китая Чаньане и продолжалась до его северо-

западных границ. Переправившись через Тянь-Шань, часть торговых караванов направлялась через Ферганскую долину и Ташкентский оазис в Самарканд, Бухару, Хорезм, далее к берегам Каспийского и Черного морей, странам Поволжья и Кавказа.

Из Азии в Европу был проложен новый караванный путь: от Хан-балыка (Пекина) через Алмалык, Отрар, Кухна-Ургенч, Сарайчик на Урале, Сарай и Хаджи-Тархан на Волге в Азов. Товары отправлялись генуэзскими и венецианскими торговцами по Черному и Средиземному морям в Западную Европу.

В 1558 г. в Бухару прибыл англичанин Дженкинсон как официальный посол Ивана Грозного, в Москву прибыли посольства из Бухары, Балха и Ургенча для заключения торгового договора. После этого Абдуллахан II несколько раз направлял своих послов к Ивану Грозному [Валишевский, 1891. С. 299]. По особым царским разрешениям в Бухару ввозились серебро и монеты. Из Средней Азии в Москву привозили шелковые, шерстяные и хлопчатобумажные ткани, мерлушки, шелк-сырец, ковры, различные пряности, специи, сушеные фрукты и т. д. Из Центральной Азии вывозились верблюды, весьма ценимые в Китае как степной транспорт, военное снаряжение, золото и серебро, полудрагоценные камни и изделия из стекла. В Рим везли различные специи, пряности (благовония), драгоценные камни, сахар, а оттуда — европейские картины и предметы роскоши. Благодаря миграциям ремесленников налаживались межкультурные отношения в центрах и оазисах, через которые проходил Великий шелковый путь.

С древних времен Бухара поддерживала межкультурные отношения на Великом шелковом пути. Здесь располагались более 60 караван-сараев, где останавливались купцы из Индии, Китая, Ирана и других стран. Бухара оставалась благодатным городом, крупным научным и культурным центром на Великом шелковом пути. О том, что город находился на перекрестке караванных дорог, свидетельствуют торговые купола XV–XVI вв.: Токи Саррафон (купол менял), Токи Тельпак Фурушон (купол продавцов головных уборов), Токи

Заргарон (купол ювелиров), мечеть Мох (Токи Аттарон — купол торговцев пряностей), сохранившиеся и поныне [Мухамман ан-Наршахи, 2011. С. 445]

Торговые и дипломатические отношения между Центральной Азией и Китаем с XVI в. постепенно ослабевали из-за открытия морских путей. Более того, войны между феодальными государствами усилились, политические отношения между государствами Шейбанидов в Центральной Азии и Сефевидов в Иране обострились, а города были изолированы от торговых центров других стран. Это привело к значительному упадку караванной торговли. Однако отдельные части Великого шелкового пути продолжали функционировать: например, караванная торговля между Центральной Азией и Китаем прекратилась лишь в XVIII в.

Еще в 1734 г. ташкентские торговцы, узнав о предполагавшейся постройке города на устье реки Ори, решили снарядить караван в Оренбургский край. В начале 1735 г. они прибыли в Уфу и «заявили Кириллову (первый губернатор Оренбургского края. — *Прим. авт.*) о своем желании, чтобы на новом городе была учреждена ярмарка, обещали ежегодно приезжать с торговыми караванами и приглашая к себе русских торговцев для меновой торговли. Кириллов принял торговцев, ласково отнесся к их предложению и посоветовал им, отправится с товарами в Казань, вручив рекомендательное письмо, в котором просил оказать им поддержку и освободить от торговых пошлин. Распродав свои товары в Казани, торговцы из Ташкента в том же году отправились в Центральную Азию через новый город, который был застроен на устье Ори» [Витевский, 1891. С. 149–150]. С основанием Оренбурга направление этого нового торгового пути переместилось к Оренбургу, но часть караванов продолжала идти на Орск, а оттуда в Троицк. Россия стремилась поддерживать по старой традиции торговые связи с Хивой. Но затем эти торговые отношения распространились и в Бухару, и в Ташкент. Ташкент извлекал большие выгоды из этой торговли. Несмотря на внутренние войны

и набеги кочевников на караваны, он быстро рос и становился одним из крупнейших торговых городов, в котором развивались межкультурные отношения. Уже к началу XIX в. в Ташкенте насчитывалось до 10 000 домов и 40 000 населения мужского пола¹.

К середине XIX в. важнейшую роль во внешней торговле Центральной Азии начала играть Россия. В течение лета из Бухары в Россию шли три каравана, по 2000 и более верблюдов в каждом. Первый караван направлялся в Оренбург, второй — в Троицк, а третий — в Петропавловск. Какандские торговцы в основном отправлялись в Петропавловск, а хивинские — в Оренбург. Главными вывозимыми из Центральной Азии пряностями и специями были сушеные плоды, кубовая краска, а из России ввозили сахар, мед и др.

К началу же второй половины XIX в. в Ташкенте насчитывалось 20 000 домов, а жителей — до 150 000 человек, то есть за 50 лет город увеличился почти вдвое. В межкультурном пространстве татары играли роль проводников российского капитала в Центральную Азию. Они вели в Центральной Азии торговлю самостоятельно и в роли приказчиков русских торговцев. Кроме того, они являлись первыми переселенцами российских граждан в Центральную Азию. К Югу от Ташкента татары основали селение Ногай Курган. Они играли большую роль в торговле².

В 1887 г. территорию эмирата пересекла железная дорога. В 15 км от Бухары было начато строительство Новой Бухары и станции Ка-

---

¹ Поездка Пospelова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г. (Часть II) [Электронный ресурс] // Восточная литература: средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1800-1820/Pospelov_Burnasev/text2.htm (дата обращения 01.10.2021).

² Ногай-курган — первый татарский аул в Узбекистане [Электронный ресурс] // Нафақат Тошкент. URL: <https://shosh.uz/nogay-kurgan-pervyyiy-tatarskiy-aul-v-uzbekistane> (дата обращения 01.10.2021).

ган. Здесь были построены дворец эмира и резиденция Российского политического агента. Теперь Бухара была связана железной дорогой с Ташкентом, Оренбургом и Москвой. В 1888 г. железную дорогу проложили до г. Самарканда. На территории Бухарского эмирата при железнодорожных станциях стали строиться русские поселения. В Бухаре было открыто отделение Российского государственного банка, построено два хлопкоочистительных завода, три гостиницы европейского типа, а также открыто отделение Московского международного банка. Между домом кушбеги в Бухаре и Российским политическим агентством в г. Кагане была проведена телефонная связь.

Торговые караваны Бухары проходили через Хиву, Арал и Каспийское море, потом направлялись в Астрахань и вверх по Волге добирались до Нижегородской ярмарки. Этот торговый путь для торговцев Бухарского эмирата был более выгодным в мирное время, так как набеги кочевых племен и грабежи караванных товаров негативно влияли на развитие торговли с Россией. Торговый маршрут приходил в Нижегородскую ярмарку через таможенную Хивы. Поддерживать межкультурные коммуникации и дипломатические отношения с Хивинским ханством считалось важным аспектом в торговой политике как для Бухары, так и для России.

Следующие торговые караваны Бухары предпочитали перевозить товары через Киргизию, к востоку от Арала: несмотря на то, что этот путь был длиннее, он являлся более безопасным для бухарских торговцев и связывал торговые дороги с такими городами, как Оренбург, Орск, Троицк, Петропавловск и Семипалатинск.

В 1895 г. Бухарский эмират был включен в единую таможенную систему России, и традиционные торговые отношения обрели новый порядок, повлияв на внешние торговые пути Центральной Азии.

Продвижение России к востоку, основание в Оренбургском крае городов и хозяйственный кризис в Хорезме способствовали установлению новых торговых путей из Бухары и из Ташкента к Орску и Оренбургу.

Строительство железнодорожной сети Центральной Азии пришлось на 1880–1890-е гг. Кроме того, в 1900–1905 гг. была построена Ташкентская железная дорога по маршруту Ташкент–Кинель с двумя ветвями: Оренбург–Пост Урал и Арысь — Пишпек (Семиреченская линия). Постройка этих дорог имела колоссальное значение для Центральной Азии. Только со времени сооружения железных дорог стали развиваться производительные силы страны, межкультурные коммуникации, возникли крупные отрасли промышленности, увеличился товарообмен между Центральной Азией и Россией.

Немаловажное значение в республиках Центральной Азии имел водный транспорт, особенно для Каракалпакстана и Хорезмской области: водный путь по р. Амударье и Аральскому морю является для них единственным удобным путем для торгового оборота. В советский период эксплуатация водных путей Аральского бассейна, а именно Аральского моря и р. Амударьи осуществлялась Амударьинской военной флотилией, Акционерном обществом «Хива» и частновладельческими судами.

Последний рассматриваемый этап существования Великого шелкового пути — его возрождение. Благодаря тому, что этот маршрут внес неизгладимый вклад в прогресс человеческой цивилизации, в 1987–1997 гг. ЮНЕСКО приняла десятилетний проект «Интегральное изучение Шелкового пути — пути диалога»³. Основная цель проекта состояла в том, чтобы показать процессы коммуникации между странами и людьми на Великом шелковом пути на протяжении веков посредством широкого и всестороннего изучения истории цивилизации, постараться восстановить культурные контакты между Востоком и Западом и улучшить этнические отношения в Евразии. С этой целью ЮНЕСКО организовала десятки научных конференций и семинаров, сняла фильмы, опубликовала книги, брошюры и статьи,

---

³ Программа Шелковый путь [Электронный ресурс] // UNESCO. URL: <https://ru.unesco.org/silkroad/> (дата обращения 01.10.2021).

а также реставрировала некоторые археологические и архитектурные памятники. В 1990 г. узбекские ученые опубликовали сборник «На центрально-азиатских трассах Великого шелкового пути».

В 1990 г. представители 19 стран совершили первый визит по пустыне из Сианя до Кашгара в Китай. По его результатам были проведены международный семинар в Урумчи, симпозиум в Дуньхуане. В 1992 г. под эгидой ЮНЕСКО в Улан-Баторе был создан Международный институт по изучению кочевых цивилизаций. В 1995 г. в музее имени Линде в Штутгарте, затем в Берлине и Роттердаме была проведена выставка под названием «Наследники Шелкового пути — Узбекистан»⁴, целью которой являлось ознакомление людей с историей и традициями Узбекистана.

Литература и источники

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л.: Акад. наук СССР, 1927. Ч. II. 206 с.

Валишевский К. Иван Грозный. М.: Издательство «Эра», 1912. 395 с.

Витевский В. Н. Неплюев, верный слуга своего отечества, основатель Оренбурга и устроитель Оренбургского края. Казань: Типография Императорского университета, 1891. 251 с.

Мухамман ан-Наршахи. Тарих-и Бухара = История Бухары / перевод Ш. С. Камолиддина. Ташкент: SMIA-SIA, 2011. 600 с.

---

⁴ Сокровища Узбекистана в Музее имени Линдена [Электронный ресурс] // Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира. URL: <https://legacy.uz/sokrovishcha-uzbekistana-v-muzee-imeni-lindena/> (дата обращения 01.10.2021).

Фуркат Эшбоевич Тошбоев

*Джизакский государственный педагогический
институт имени Абдуллы Кадыри
130100, Узбекистан, г. Джизак, пр-т Ш. Рашидова, 4
✉ furqat7312@mail.ru*

DOI 10.25205/978-5-4437-1280-2-14-21

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В УЗБЕКСКИХ ХАНСТВАХ (XVI–XIX ВВ.)

Возросший интерес узбекского народа к истокам самосознания в эпоху глобализации ставит много вопросов к истории его этнического формирования, в частности к сложным этнокультурным процессам, происходившим на территории современного Узбекистана в позднем средневековье. Это тема хорошо изучена местными (З.М. Бобур, Мухаммад Хайдар, Мухаммад Салих, Мухаммад Рузбехан, Хафиз таниш Бухари, Абулгази Бахадирхан) и российскими авторами (В.В. Бартольд, С.П. Толстов, А.Ю. Якубовский, Б.В. Лунин). Активно занимаются этой тематикой и современные специалисты: К.Ш. Шониёзов, А.А. Аскарлов, Т.К. Ходжайов и др. В исторической литературе Мухаммад Казвини, Мирзо Улугбек, Мухаммад Рузбехан называли территории шайбанидов «узбек улуси», «узбекская земля», «малакати узбекион». Из этих произведений арабо-персидских авторов также можно понять, что в XIII–XIV вв. население шайбанидских улусов называли узбеками.

Известно, что, начиная с бронзового века, проникновение кочевых племен из евразийских степей в Среднюю Азию продолжалось непрерывно. Его основные волны пришлись на ранний железный

век, античность и раннее средневековье, когда переселились сарматы, юеждицы, гунны, усунь, хиониты, кидариты, эфталиты и тюрки [Тошбоев, 2013. С. 63–65]. Этот процесс продолжался также в IX–XII и XIII–XIV вв. Кочевые тюркские племена, вошедшие в Среднюю Азию в позднюю эпоху (XIII–XIV вв.), по этническому составу были очень близки к шайбанидам. Известный этнограф К. Шонезов пишет, что большинство тюркоязычных племен, пришедших в Среднюю Азию в разное время, быстро смешались со своими вновь прибывшими соплеменниками — узбеками-шайбанидами.

В конце XV в. государство Тимуридов значительно ослабло под влиянием внутренних распрей. Воспользовавшись этим, потомки Джучи-Хана в начале XVI в. под предводительством Шейбани-хана вторглись в Среднюю Азию и установили свое господство. Представители знатных родов, участвовавшие в этих походах, разделили землю между собой, распределив благоприятные для ведения хозяйства оазисы. В частности, в городе Карши и его окрестностях поселились мангыты, в городе Шахрисабз и прилегающих к нему районах — барлас и кенагас, в окрестностях Бухары — бахрин и сарай, в Уратепе — жузы, в Джизаке — кирки, в Ташкентском оазисе — курама, дурман, жузи и другие племена [Шониязов, 1974. С. 91].

По мнению К. Шониязова, не все этносы, переселившиеся из Дашти Кипчака в Мавераннахр, были многочисленны. Только некоторые из них, такие как кипчаки, сарай, кунграты, жузы, найманы, мангыты, считались крупными этническими группами по сравнению с другими. По преданию, тюркско-монгольские воины, уходившие на войну, с собой брали свои семьи и родственников. Когда Шейбанихан привел войска в Мавераннахр, в его армии служило 92 узбекских рода. Каждое племя состояло из тысячи семей, а каждая семья состояла в среднем из 6–7 человек — таким образом, общая численность прибывшего населения с шайбанидами составляла около 500–600 тыс. чел. Самым многочисленным из этих этносов были кипчаки [Аскаров, 2015. Б. 384].

В государствах узбекских ханов высокие государственные должности находились в основном в руках старейшин двух племен (уйгуров и кушчи). В военном деле кочевых узбеков преобладала система и принципы времен Чингисхана. Например, правое крыло узбекской армии состояло из добровольцев из племен дурман, тубай, чимбай и уйгуров, а левое крыло из буркут, кыатов, конгратов, найманов, кушчи, мангитов, ушунов. В центре армии были добровольцы из других племен (тангут, утаджи, укареш-найман, джат, китаи, карлук, кенагас, инчи, туман-минг). Примечательно, что некоторые узбекские султаны пытались организовать свои армии из людей, говорящих на одном языке. Например, зимой 1509 г., когда Шайбанихан выступил против казахского хана Суюнчходжи, 10 000 из 13 000 чел. Ташкентского хокима составляла только отобранная узбекская конница.

Несмотря на сложность этнических процессов, происходивших в Мавераннахре в течение XVI–XVIII вв., основную часть населения составлял оседлый этнический слой старожилов. Сельское население занималось в основном традиционным поливным земледелием и скотоводством, а городское — многоотраслевым ремеслом и торговлей. В то же время население, живущее в непосредственной близости от гор и степей, жило со скотом, загоняемым на пастбища. Скотоводство считалось дополнительным источником дохода для каждой узбекской семьи — не только сельской, но и городской.

Этнические процессы в узбекских ханствах также были обусловлены установлением единой языковой среды, которая складывалась на протяжении XIV–XVI вв. Даже до второй половины XV в. казахи составляли нацию с узбеками, и между ними было мало этнических и культурных различий. В Мавераннахре местное тюркоязычное население говорило на карлукско-чигильском диалекте. Тюркоязычные кочевники, проникавшие на эту землю со времен нашествия Чингисхана, говорили на кыпчакском и огузском диалектах тюркского языка [Аскарлов, 2015. Б. 421]. Если обратиться

внимание на формирование узбекского языка в Мавераннахре, то значительная часть тюркоязычного населения до XI в. говорила на древнетюркском языке. На этом языке написан памятник «Кутадгу билиг» — произведение Юсуфа Хоса Ходжиба. Под влиянием различных племен узбекский язык начал формироваться с XI в. на основе древнетюркского языка.

Тем не менее в Мавераннахре население, говорящее на карлукско-чигильских диалектах, составляло основу тюркского этноса. Позже, когда население, говорящее на кыпчакских и огузских диалектах, перешло к оседлой жизни, смешавшись с местным коренным населением, они, как и все древнетюркские народы Мавераннахра, стали говорить на карлукско-чигильском диалекте. Язык, сформировавшийся в результате смешения этих трех диалектов (кыпчакского, огузского и карлукского) тюркского языка, стал в узбекской лингвистической науке условно называться «чигатайским языком», или «староузбекским языком».

Богатая часть племен, вошедших в XVI–XVIII вв., вела полукочевой образ жизни, сохраняя родовые этнические названия. К XVIII в. политическая раздробленность в Средней Азии окончательно разрешилась, и образовались три ханства. Главную роль в государственном управлении и военной жизни этих ханств занимали вожди кочевых племен из Дашти Кипчака. Однако из-за традиций тюркской культуры и того факта, что большая часть коренного населения говорит по-тюркски, влияние узбекской культуры было преобладающим. Таким образом, к XVIII в. Мавераннахр для всего населения превращается в страну узбеков.

Узбекский народ, как и в прежние периоды своего этнического развития в XVI–XVIII вв., находился в тесных экономических, политических и этнокультурных отношениях с туркменами, киргизами, казахами, каракалпаками. В частности, этнокультурные процессы, происходившие между узбеками и таджиками, проживавшими на одной территории в течение многих веков, послужили основой для со-

вместного развития обоих народов, что сблизило их друг с другом. Это привело к смешению отдельных узбекских групп с таджиками, а также к смешению таджикоязычных групп с узбеками. Особенно ярко процесс узбекизации таджикоязычного населения проявляется в Ферганской долине и Зеравшанском оазисе.

В конце XVII — начале XVIII в. под натиском джунгар из степей Казахстана в Мавераннахр переселяется еще несколько племен. Это последняя волна миграции кочевых племен из евразийских степей, которая также оказала влияние на этнические процессы в Мавераннахре. На этой этнической волне часть каракалпаков переселилась в Зеравшанский оазис и на южные склоны Нуратинских хребтов. Большая группа кипчаков осела в долине Зерафшана, Ташкентском оазисе и Мирзачуле. В 1730-х гг. часть кыпчаков в поисках пастбищ переселилась в горные районы Северной Ферганы. В то время часть каракалпаков осела в Центральной Фергане. Позже эти земли получили название «Каракалпакская пустыня».

Антропологические материалы показывают, что основная часть племен, проникших вместе с шайбанидами, была монголоидной. Известно, что племена монголоидной внешности начали проникать в Среднюю Азию с середины I тыс. до нашей эры. Они расселились сначала по западным степным территориям древнего Бухарского оазиса, Ташкентскому оазису и Приаралью [Хўжайов, Хўжайова, 1992. Б. 13]. Монгольские племена первоначально не были рассеяны по территории Средней Азии, но в целом расселились на трех крупных территориях: низовьях и среднем течении Зерафшана, Тянь-Шаня и Приаралья.

Антропологический облик шайбанидов напоминает Южно-Сибирский тип (переходный между монголоидами и европеоидами). Когда большая часть шайбанидских племен осела в Среднеазиатском междуречье, они смешались с местным населением. В результате этого в антропологическом типе узбеков усилились черты монголоидных этносов. Особенно это заметно у узбеков, связывающих свое

происхождение с такими этническими единицами, как кунгирот, дурман, минг, арлот, катаган [Ходжаев, 1987. С. 23]. Тем не менее расселение степных узбеков в Мавераннахре и Хорезме в XVI–XVIII вв. не изменило этнический состав узбекского народа, сформировавшийся до этого периода.

Уровень социально-экономического развития обоих народов был одинаковым. Узбеки и таджики оазиса составляли один антропологический тип — Среднеазиатский междуречный, сформировавшийся еще в древности.

К концу XIX в. этническая сложность, которая продолжалась в Туркестане с древних времен, была в значительной степени упорядочена. В этот период в узбекских ханствах преобладали двуязычные, то есть тюрко-узбекский и персидско-таджикский языки, причем большинство населения говорило на тюрко-узбекском языке. Эти две двуязычные нации смешались друг с другом в результате территориального расселения, и первоначально было очень трудно разделить их в период национально-территориального разграничения (1924 г.). Это обстоятельство является результатом очень древнего исторического процесса и этнокультурного диалога.

Накануне завоевания Российской империей узбекоязычное население Средней Азии делилось по происхождению на три категории. Первая категория — оседлые жители Туркестана, именуемые термином «сарт». Часть их, проживающая в городах, занималась различными видами ремесел и торговлей, а сельские жители занимались поливным земледелием, садоводством, выращиванием бахчевых культур.

Второй крупной тюркоязычной категорией были оседлые тюрки, проживавшие на территории Мавераннахра и Хорезма с древнейших времен, смешиваясь с сартами. Они занимались ремеслами и торговлей в городах, в селах — поливным земледелием, садоводством и бахчеводством. Как и сарты, они давно забыли свои родовые обычаи, родовые названия. Эти оседлые тюрки вместе

с сартами составляли основную (три четверти) этнического состава узбекского народа. Третьей категорией были степные кипчакские (узбекские) племена, проникшие в XVI в. и позднее [Аскарлов, 2015. Б. 436].

С приходом шейбанидов язык народов области становится богаче и в полной мере формируется староузбекский литературный язык (с XIV по XIX в.). На староузбекском литературном языке, созданном Алишером Навои и Захириддином Бабуром, впоследствии писали такие писатели, как Машраб, Турди, Увайси, Нодира, Мунис, Огахи, Махмур. Этот язык приобрел еще большую популярность во времена Камиля Хорезми, Феруза, Муками, Фурката, Завкия и др. и достиг своего пика во времена джадидов. На его основе сформировался современный узбекский литературный язык, который в 1930-е гг. стал понятным для говорящего на диалектах (кипчакском, огузском и карлукском) тюркоязычного населения Узбекистана.

Таким образом, к началу XX в. под названием «узбек» понимались не только узбеки Шайбани, но и оседлое население региона, называвшее себя туркестанскими тюрками и привыкшее к понятию «туркестанские узбеки».

Литература и источники

Аскарлов А. А. Ўзбек халқининг келиб чиқиш тарихи. Тошкент, 2015. 670 б.

Тошбоев Ф. Э. Шимолий-ғарбий Уструшонада кўчманчи чорвадор ва ўтроқ дехқонлар маданияти (Зомин воҳаси мисолида) // Ўзбекистон тарихининг долзарб муаммолари ёш тадқиқотчилар талқинида. Самарқанд, 2013. Б. 62–66.

Хўжайов Т. Қ., Хўжайова Г. Қ. Ўзбек халқининг антропологияси ва этник тарихи. Тошкент, 1995. 146 б.

Ходжайов Т. К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья. Ташкент, 1987. 210 с.

Ф.Э. Тошбоев

Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа (историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). Ташкент: Фан, 1974. 196 с.

Шониёзов К. Ш. Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. Тошкент, 2001. 464 б.

Ўрта Осиё халқларининг этник тарихи ва минтақада юз берган демографик жараёнларнинг манбаларда акс этиши (XVI–XIX аср биринчи ярми). Маъсул муҳаррир Д. А. Алимова. Тошкент, 2011. 178 б.

Ахрор Хасанович Пардаев

*Джизакский государственный педагогический
институт имени Абдуллы Кадыри
130100, Узбекистан, г. Джизак, пр-т Ш. Рашидова, 4*

Фаррух Шавкатович Акчаев

*Джизакский государственный педагогический
институт имени Абдуллы Кадыри
130100, Узбекистан, г. Джизак, пр-т Ш. Рашидова, 4*
✉ akchayev_1984@inbox.ru

DOI 10.25205/978-5-4437-1280-2-22-33

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ДЖИЗАКСКОГО ОАЗИСА В XVI–XIX ВВ.

В последнее десятилетие XV в. продолжающиеся братоубийственные войны между принцами тимуридами достигли своего апогея. В результате этого еще более ослабло политическое могущество государства. Независимые правители Самарканда, Ташкента, Андижана и Гисара, которые были врагами друг против друга, установили власть каждый на своей территории. Для восстановления и укрепления своей позиции независимые правители иногда обращались к Джета-монголам, а иногда к Дашти-кипчакским узбекам за военной помощью. Из-за постоянных боевых действий политическая стабильность в стране была нарушена.

В результате политической раздробленности Мавераннахра и регулярных междоусобных войн между мелкими собственниками ка-

раванная торговля, которая играла важную роль в экономической жизни страны, практически прекратилась. Усилились внутренние конфликты между основным населением, занимающимся земледелием, и землевладельцами. В результате этого была нарушена экономическая стабильность [Пардаев М., Пардаев А., 1996. С. 94–95].

Воспользовавшись такой политической ситуацией, узбекские племена во главе с Мухаммадом Шайбаниханом, жившие в Дашти-Кипчаке, заняли Мавераннахр, Хорезм и Хорасан, установив свое господство на этих территориях. Влиятельные узбекские племена, принимавшие активное участие в этих походах, заняли на оккупированных территориях оазисы, пригодные для животноводства и земледелия. В частности, мангиты поселились в городе Карши и его окрестностях, барлосы и кенагасы — в городе Шахрисабзе и его окрестностях, а узбекские племена, такие как юз кырк, — в Уратепе и Джизаке.

В результате этих изменений в XVI в. начался переход к оседлому образу жизни преимущественно кочевых и полукочевых узбекских племен, занимавшихся животноводством. Интеграция с местными поселенцами, близкими друг к другу с точки зрения этнической принадлежности, религии и языка, ускорила процессы урбанизации в городах и окрестностях Мавераннахра. Эти этнические процессы и факторы стали причиной демографических изменений населения Мавераннахра.

Подобные политические и этнические изменения в Мавераннахре активно происходили и в Джизакском оазисе, расположенном в его центре. В XVI в. племена юзи кырк поселились в горных, предгорных и степных районах Джизакского оазиса — в горных районах Бахмала и Заamina. В Галляарале и на степных территориях расположились кырк, сарой и другие узбекские племена.

Ниже приводятся сведения о потомках юз (Алмачи), сарой и кыпчак, которые переселились в Джизакский оазис в начале XVI в. и теперь живут в деревнях с отдельным этническим названием.

Кишлак АЛМАЧИ. Село (кишлак) расположено в юго-восточной части города Джизака, его название является этнонимом. Сре-

ди узбекских родов юзы, лидирующие по количеству и положению, разделены на несколько поколений и ветвей. Село Алмачи названо по ветви алмачиуч тамгали — ответвления поколения рода юз.

В позднем средневековье юзы были признаны большим родом. В конце XIX — начале XX в. их насчитывалось 58 895 человек. Одна часть, именуемая в источниках юзов «Юзи Гисора», находилась в Гисорской и Сурханской долинах, вторая часть, называемая «Юзы Уратепы», — в среднем бассейне Зарафшанской долины и ее восточных территориях вплоть до границ Пенджикента, Уратепы, Ходжента, Бекабада, т.е. распространилась и осела в горах, предгорьях и степях до бассейна среднего течения реки Сырдарья [Салимов, 1994. С. 79].

Не вызывает возражений вопрос о кровном братстве «Юзи Гисора» и «Юзы Уратепы». Состав их рода соответствует друг к другу. Утверждение о их родственной близости основывается также на том факте, что, и в Гисаре, и в Уратепе правителей назначали из рода юзов. Например, в 1749 г. Фазилбий, представитель рода юзов, ставший правителем Уратепы, был потомком Кулибия, основателя династии Хокимов рода юзов в Хисаре [Кармышева, 1976. С. 222–223].

Этнограф А. Д. Гребенкин, оставивший первые полевые исследования и письменные сведения о генеалогии рода юз, отметил, что этот род по численности занимал лидирующие позиции среди узбекских племен [Гребенкин, 1872. С. 93]. В исследованиях А. И. Макшеева широко освещена история генеалогического древа рода юз [Макшеев, 1871. С. 239].

По этнографическим данным, собранным А. И. Макшеевым, род юзов делится на девять звеньев: парчаюз, хитой юз, салин, уяс, карабчи, найман, эрганакли, беш юз, сулокли. Эти звенья, в свою очередь, разделены на 56 разветвлений. Известный этнограф В. В. Радлов в своей работе «Об оседлых тюркских племенах Средней Азии» попытался проанализировать генеалогию племен юз вокруг Джизака, Заamina и Уратепы. Автор также признает, что племя юз состояло из девяти вышеупомянутых крупных звеньев. Советские исследова-

тели, в отличие от А.И. Макшеева, определяют девять ответвлений: уч тамгали, коракалпак пёджегей, турт тамгали, хон-хужа, хитайчи, тигирик, хужа хитайчи, туркман, жалойир [Радлов, 1989].

В книге известного специалиста Х. Дониёрова, посвященной этому вопросу также вносится ясность к проблемам по поводу рода юз [Дониёров, 1968. С. 83–86].

В генеалогическом древе рода юзов, составленном А.И. Макшеевым, узбекский род «алмачи» представляется в качестве ветки, распространенной от ветви парчаюз, восходящей непосредственно к роду юз. А в генеалогическом древе рода юзов, составленном В.В. Радловым, алмачи трактуется в качестве ответвления ветви уч тамгали звена парчаюз.

По данным ученого этнографа Т.Ю. Салимова о зааминской алмачи, алмачи действительно является ветвью после уч тамгали ветви звена парчаюз. Как он пишет, ветвь уч тамгали звена парчаюз состоит из следующих ветвей: баймакли, биран садок, алмачи, мирза, сиргали, юговли, корасирок, тулак, калайкон совли (калайкон майда) [Салимов, 1994. С. 80].

По данным Бектураева Дустмурода (1930 г. р.), Убайдуллаева Ачилбоя (1938 г. р.) и Сатторова Пардабоя (1948 г. р.), проживающих в Алмачи, население кишлака в основном состояло из рода юз, но частично там проживали также солины. Население кишлака распространилось из кишлака Алмачи, расположенного в стороне Уратепа в юго-восточной части Заamina. В Ферганской долине и северной стороне кишлака «Ок чангал» Хаваса существует кишлак Алмачи.

Как утверждает Пардабой Сатторов, еще одним фактором можно считать, что население Алмачи переселилось в Джизак из Заamina Уратепа. То есть пир-ишаны алмачинцев–ишаны, живущие в кишлаке Нижони близ Уратепы. При этом население считает себя мюридом ишанов Нижони и до недавнего времени верили и делали приношения.

По сведениям Пардабоя Сатторова, прошло около 250–300 лет с тех пор, как узбекский род Алмачи переселился в Джизак. Он себя

считает представителем восьмого поколения переселенцев. По его словам, первое поселение Алмачи было расположено в 1,5 км к югу от Джизакской Урды, примерно в районе Ташлак. В начальный период своих умерших односельчан алмачинцы хоронили на кладбище «Хужа мозор», расположенном в северо-восточной стороне Ташлака. Позже алмачинцы переселились в восточную сторону современного кишлака Хайрабад и примерно 150 лет назад осели на данной территории.

По словам информаторов, у алмачинцев, как и у многих других сел Джизака, не было кишлака или гузара внутри города Джизакский Урда. Алмачи издавна считались скотоводческим племенем, хотя также занимались садоводством и частично богарным земледелием. После оседлого расположения в Джизаке лидирующие позиции в хозяйстве начал занимать зерновой сектор земледелия наряду с садоводством. Животноводство оказалось переведено в статус подсобных хозяйств. Значит, что население Алмачи из округи Заамина поселилось сначала в Ташлакском районе города Джизака, затем распространилось до восточной части села Хайрабад, а оттуда — до нынешнего места.

Ни письменные источники, ни информанты не имеют четкого представления об этимологии слова алмачи. По словам П. Сатторова, климатические условия предгорий, где находится село Алмачи в Заамине, были благоприятными для садоводства и выращивания яблок. Этот фактор привел к тому, что сельских жителей стали называть «алмачи», что означает «хороший производитель яблок».

САРОЙЛИК. Село Саройлик расположено в северо-западной части города Джизак. Название села пошло от названия рода «сарой» одного из узбекских племен. В письменных источниках, в частности в произведении Хафиза Таниша Бухари «Шарофномаи — Шахий» («Абдуллонома»), содержатся этнографические сведения. В нем также упоминается род «саройлик» среди 40 узбекских племен, разбросанных в XVI в. по Средней Азии.

Как отмечает академик Б. Ахмедов, в произведении «Тухфат ал-Ханий», хранящимся в Фонде рукописей Института востоковедения Академии наук (№ 2604 инв.), содержатся важные сведения о составе и географии распространения нескольких племен. В том числе указывается, что род юз расположен в Уратепе и Гисаре, род кирк — в Джизаке, кенагасы — в Шахрисабзе, саройы — в Гузоре [Ахмедов, 1986. С. 27].

Во всех письменных источниках в списках узбекских родов, состоящих из 92 племен и этнических групп, род сарой всегда указывается вверху списка: на пятом или во многих случаях седьмом — восьмом местах. Например, в рукописи «Маджму ат-таварих» (Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, опись № 667) род сарой дан на пятом месте после минг, юз, кирк, жалойир [Материалы по истории киргизов, 1973. Вып. I. С. 210–213]. В результате анализа рукописей «Насаб-номаи ўзбек» и «Асмийи навади ду фирқайи ўзбек» установлено, что в списке, составленном Б. А. Ахмедовым, род сарой зарегистрирован на седьмом месте после минг, юз, ўзбек ункажат, жалойир [Ахмедов, 1986. С. 28].

Н. В. Хаников на основе анализа упомянутой выше «Насаб-номы» составил иной списка генеалогии узбекских племен. При их упорядочивании автор уделил большое внимание их составу, количеству и, конечно же, положению в системе политической власти. Впрочем, и местные авторы, работавшие до Н. В. Ханикова, именно этим аспектам уделяли наибольшее внимание. По списку, составленному Н. В. Ханиковым, род сарой зарегистрирован на восьмом месте после мангит, минг, юз, кирк, унг, ункачит, жалойир [Шониёзов, 1990. С. 142–143].

Следует отметить, что род сарой входит в первую десятку всех списков. Если принять во внимание тот факт, что количество племен составляет 92, это показывает, что род сарой имел ведущее влияние в обществе позднего средневековья.

Согласно письменным источникам и этнографическим полевым исследованиям, во время правления Мухаммад Рахимхана, а именно

в 1756 г., узбекский род саройлик переселился в Джизак из селений «Сарай» и «Яхтан» близ Уратепы. Изначально они располагались в предгорьях Етимтогского района недалеко от города Джизак, а позже переехали оттуда на свое прежние местожительство. Основным видом хозяйственной деятельности саройлик было скотоводство.

Жители села Сарайлик в Джизаке до сих пор связаны как один род и продолжают родственные связи с жителями Сарая в Уратепе, Сарая и Ханым сарой в Галляарале, Сарая в Ургутском районе Самаркандской области и Сарай в Кашкадарьинском оазисе. По сведениям информаторов, саройлик пришли в Джизак около 250–300 лет назад. В древности и сейчас пашни села орошаются арыком «Сарайлик», берущей начало в реке Сангзор. Археологический памятник «Катта тепа» V–VIII вв. нашей эры был превращен в сельское кладбище. Некоторые из существующих надгробий на кладбище датируются первой половиной XIX в.

СЕЛО КИПЧАК. Село расположено в юго-западной части города Джизак, по обе стороны дороги Джизак-Фариш. Кипчаки переселились в Джизак из Пайарыкского района Самаркандской области в середине XVIII в. У местных жителей до сих пор сохранились родственные связи с кипчаками Пайарыка и такие традиции, как выдача замуж и сватовство дочерей.

Кипчаки в основном занимались скотоводством, торговлей овцами и рогатым скотом, были мясниками. По словам наших корреспондентов, изначально они жили в Джизакский Урде и отвечали за животноводство беков и чиновников. Они оптом покупали скот в Челакском базаре Самарканда, привозили его в Джизак и там продавали. В Джизаке цены на живой скот и мясо стали очень низкими. Взамен джизакский бек отдал кипчакам территорию землями, на которых они сейчас проживают между Амиртагом (Етимтог. — *Прим. авт.*) и Джилки Хайдаром.

Из исследований известно, что «кипчаки» даны в китайской летописи 203 г. до н.э. в транскрипции в виде «кюешэ» или «цюешэ»

[Бичурин, 1953. С. 153–210]. Именно термин «кипчак» упоминается в надписях на Селенгинском камне середины VIII в. [Малов, 1951. С. 38]. Позднее этноним «кипчак» или «кифчак» встречается в произведениях, созданных арабоязычными мусульманскими авторами — Ибн Хордадбех (IX в.), Худуд ал-Алам (X в.), Байхаки (XI в.), Гардизи (XI в.), Ахмад ат-Туси (XII в.), Ибн аль-Асир (XIII в.), Рашид-ад-дин (XIII–XIV вв.) и другими [Шониёзов, 1990. С. 26]. О значении слова «кипчак» ходят разные мнения, мифы и легенды. Например, Абдулгази Баходирхан в своем произведении «Шаджарай Тюрк» повествует о значении этого слова следующим образом: «В битве с Баракханом Огузхан потерпел поражение, бежал со своим войском и выжил на острове между двумя реками. Была холодная погода. Жена бека, погибшего в битве, рождает, и женщина видит мальчика в большом дупле, гнилом дереве от дневного холода. В древнетюркском языке пустотелое дерево называлось кипчаком. Так как мальчик родился внутри дереве, поэтому назвали его кипчаком. Даже в это время пустотелое дерево называют кипчаком. Хан держал мальчика на руках. Когда он вырос его отправил против урус, и улак, и мачар (маджар), и башкурд. Он отдал кипчакам множество народ и нувкер и отправил их на берега рек Тин и Атиль (Итиль) <...> Здесь царствовали кипчаки. Все кипчаки — его потомки. Со времен Огузхана до времен Чингисхана, Тина и Атиля и Яика на берегах этих трех рек не было никакой другой руки, кроме Кипчака. Для них эти земли называются Дашти Кипчак» [Абдулғозий Баҳодирхон, 1992. С. 21–22, Пардаев А.Х. 2001. С. 251–255].

В русских летописях сведения о кипчаках встречаются, начиная с IX в. В XI–XIII вв. их называли «половцами» или «куманами» [Слово о полку Игореве, 1964. С. 17–31].

В средневековых русских летописях кипчаки упоминаются такими терминами, как «сарачин», «срачин», «сорочин». Согласно И.Г. Добродомову, термин «сарачин» состоит из двух частей: прилагательного «саро», то есть «желтый» и тюркского слова «кунн», означающего

«народ». То есть слово кипчак («сари-кун») в древнерусском языке выражается как «сорочин» [Добродомов, 1996. С. 122–128].

Действительно, этноним «сари (к)» до сих пор встречается у тюркских народов Средней Азии, например, у казахов и киргизов — саруу, у туркменов — сарок, у узбеков — сари, желтый. Известно, что в древности тюркские народы, проживавшие в Алтайском крае и Южной Сибири, изображали мир красками: черный представлял холодный север, красный — теплый юг, синий — восток, белый — запад, а желтый — центр [Шаниязов, 1974. С. 30].

В средние века кипчаки в основном делились на три основные племенные группы — черных кипчаков, белых кипчаков и желтых кипчаков. Однако в позднем средневековье у кипчаков не практиковалось цветовое изображение вышеперечисленных сторон мира. Некоторые племена продолжали называть племя, известное по цвету в соответствии с их географическим положением и древними традициями. То же самое можно сказать и о коричневых семенах, которые называются по цветовым качествам, таким как красная кровь, черная кровь, белая кровь, желтая кровь, голубая кровь.

Одна часть первых предков кипчаков мигрировали с Западного Алтая в VI в. и поселились в Монголии и Туве. А вторая часть переместилась в степи у реки Иртыш и стала подчиняться Кумыку. В конце X — начале XI в., когда Кумыкское государство распалось, кипчаки объединились с другими соседними тюркскими народами (особенно с кангли) и заняли древний Мафазит аль-Гуз — Землю огузов. В начале XI в. большая группа кипчаков поселилась в степях вдоль Волги, а часть — вдоль Сырдарьи. Ориентированные на Дальний Восток, кипчаки были расположены в пустынях у Черного и Азовского морей в 1960-х гг., а также в степях вдоль рек Северного Кавказа, Северного Дона, Днепра и Дуная. В результате, обширная территория от западных рукавов Тянь-Шаня до берегов Дуная, попала в руки кипчаков и эта территория стала известна, как Дашти Кипчак [Ўзбек Совет энциклопедияси. 1972. Т. III. С. 577].

Основным хозяйством кипчаков было кочевое скотоводство, они жили в юртах. В XII в. у кипчакских племен развивались и стали выделяться в отдельную отрасль такие ремесла, как кузнечное дело, меховое производство, сапожное дело, изготовление седел и луков, а также шитье. Кипчакские семьи были объединены в кланы, возглавляемые биями, а несколько кланов — в кланы, возглавляемые султанами. Племена образовали несколько орд. Союз племен, в свою очередь, возглавлял верховный правитель — хан.

Кипчаки дважды терпели поражение от монголов в 1223 г. на Северном Кавказе и на реке Калке, в результате чего часть из них вошла в состав Золотой Орды, часть переселилась в Болгарию и Венгрию, где ассимилировалась с местными народами. Под влиянием кипчаков, основного населения Золотой Орды, монголы забыли свой язык и в XIV в. стали тюркоязычными народами. Позже, после распада Золотой Орды, в XVI в., большая группа кипчаков двинулась на восток и обосновалась в Казахстане и Средней Азии. Многие из них постепенно прижились и начали заниматься сельским хозяйством. Некоторые группы кипчаков до начала XX в. вели полуоседлый образ жизни, занимаясь в основном животноводством и частично сельским хозяйством. Число кипчаков, проживавших в Узбекистане в первой четверти XX в., составляло 127 тыс. чел. Из них 52 тыс. проживали в Зарафшанской долине, 42,4 тыс. — в Ферганской долине, остальные — в Ташкентской, Джизакской, Сурхандарьинской, Кашкадарьинской и Хорезмской областях. Кипчаки принимали активное участие в формировании узбекского, казахского, киргизского, каракалпакского, татарского, туркменского, башкирского, ногайского, болгарского, кумикского и алтайского народов [Ўзбек Совет энциклопедияси, 1973. Т. IV. С. 86].

Таким образом, узбекские племена, такие как юз, кирк, сарой и кипчак, пришедшие из Дашти Кипчака в XVI в., первоначально поселились в горных предгорных районах Джизакского оазиса, которые были пригодны для разведения крупного рогатого скота.

В последующие периоды развивались экономические и торговые отношения этих племен с местным населением. В результате в Джизакском оазисе началась интеграция населения и демографические процессы.

Узбекские племена, переселившиеся из Дашти Кипчака, в XVI–XIX вв. также играли важную роль в политической жизни страны. В частности, в этот период из числа представителей племен юз были назначены правителями и беки Уратепинского и Джизакского оазисов. В XVIII–XIX вв. гражданские войны между бухарскими и кокандскими ханами происходили в основном в стратегически важном Джизакском оазисе. Население, пострадавшее от гражданской войны, переместилось в относительно безопасные пригороды оазиса, окруженные оборонительными стенами таких городов, как Джизакский Урда и Заамин, что в свою очередь ускорило процесс урбанизации в городах Джизакского оазиса.

Литература и источники

Абдулғозий Баҳодирхон. Шажарайи турк. Тошкент: Чўлпон, 1992. 192 б.

Ахмедов Б. Значение письменных памятников в изучении этнической истории узбеков // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент: Фан, 1986. 156 с.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. М.; Л., 1953. Т. III. 328 с.

Гребенкин А. Д. Узбеки // Русский Туркестан: сборник изданный по поводу политехнической выставки. М., 1872. Вып. 11. 272 с.

Добродомов И. Г. Из древнерусской этнонимии // СЭ. № 3. 1966. С. 122–128.

Дониёров Х. Ўзбек халқининг шажара ва шевалари. Тошкент: Фан, 1968. 97 б.

Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976. 326 с.

Ласвель Г. Техника пропаганды в мировой войне. М.; Л.: Госиздат, 1929. 200 с.

Макишеев А.И. Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае // Записи императорского географического общества по отделу статистики. СПб., 1871. Т. II. 239 с.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951. 448 с.

Материалы по истории киргизов и Киргизии. М.: Наука, 1973. Вып. I. 283 с.

Пардаев А.Х. XV–XVI аср ёзма манбаларида Жиззах // ЎММТ, 32-сон. Тошкент, 2001. 286 б.

Пардаев М., Пардаев А. Жиззах музофоти Амир Темур ва Темуррийлар даврида // Амир Темур ва унинг дунё тарихида тутган ўрни: илмий конференция материаллари. Самарқанд, 1996. 320 б.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989. 740 с.

Салимов Т.У. Некоторые вопросы формирования населения Зааминского района (конец XIX — XX в.) // Древний Заамин. Ташкент: Фан, 1994. С. 79.

Слово о полку Игореве. М.: Художественная литература», 1964. 253 с.

Ўзбек Совет энциклопедияси. Тошкент, 1972. Т. 3. 577 б.

Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа (историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). Ташкент: Фан, 1974. 344 с.

Шониёзов К. Қанғ давлати ва қанғарлар. Ташкент: Фан, 1990. 159 б.

Максим Владимирович Моисеев

*Московский педагогический государственный университет
119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1*

✉ maksim-moiseev@yandex.ru

DOI 10.25205/978-5-4437-1280-2-34-40

КОММУНИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ РУССКИХ ПОСОЛЬСТВ НА МУСУЛЬМАНСКОМ ВОСТОКЕ В XVI–XVII ВВ.

Дипломатическая культура Московского государства в XVI–XVII вв. относится к недостаточно изученной тематике. Коммуникационные практики московских послов, стратегии выстраивания коммуникаций в ходе осуществления миссии непосредственно связаны с так называемым посольским обычаем. Нормы поведения послов фиксировались в посольских наказах, которые являлись инструктивными документами. Отписки, статейные списки, документы, отражавшие этапы осуществления миссии, фиксировали модели поведения, которые избирал посол для достижения поставленных целей. Предлагаемая статья посвящена исследованию коммуникативных стратегий, которые избирали русские дипломаты, отправленные в мусульманские страны: Крымское ханство, Ногайскую Орду, Османскую империю, Сефевидский Иран и ханства Средней Азии.

По прибытии в ставку крымского хана русские дипломаты попадали под опеку «амиятов» — посредников в дипломатических отношениях. Эта функция была монополизирована родом Сулешовых [Новосельцев, 1948. С. 19; Виноградов, 2006. С. 26–73]. Именно Сулешовы выступали основными представителями крымской зна-

---

© М. В. Моисеев, 2021

ти, с которыми русские послы поддерживали постоянные контакты. Они посещали послов, сообщали им претензии хана и дивана, выслушивали жалобы русских, сообщали сведения о международных отношениях и участии в них Крымского ханства в текущее время [Виноградов, 2006. С. 26–73; Сергеев, 1913. С. 52–53, 55–56]. Если же послам требовалось получить какую-либо информацию, провести рабочие переговоры с представителями знати, то они отправляли для контактов своих толмачей [Сергеев, 1913. С. 53–55]. При этом сами дипломаты покидали ставку только в случае, если их вызывали к хану. То есть в ходе осуществления миссии русские послы предпочитали минимизировать передвижения и преимущественно находились в своей ставке.

Отношения Московского государства с Ногайской Ордой по сравнению с русско-крымскими связями были менее формализованы. Однако и в них коммуникативная стратегия, избранная русскими послами — это малоподвижность. Они располагались в своей ставке и принимали визитеров, вели с ними переговоры и собирали информацию. Вне ставки дипломаты оказывались лишь тогда, когда их ожидал бий для корешевания (ритуал приветствия, включавший в себя обнимание гостя) и переговоров. При этом служилые татары, сопровождавшие послов, свободно передвигались по ногайским кочевьям, развозя послания для представителей знати и собирая сведения по текущей ситуации.

Русские послы в Османской империи, также большую часть времени проводили в месте размещения миссии. К ним прикреплялись официальные представители султана, которые информировали посла о встречах и сопровождали его к султану¹ [Путешествия, 2008. С. 72–73]. Кроме них непосредственный контакт с послом имели также ближайшие сотрудники султана. Ивана Семенова сына Морозова

---

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 276 об. – 277.

приглашал для встречи Айяс Мехмед-паша, а непосредственно перед аудиенцией у Сулеймана I с ним встретился великий везирь Паргалы Ибрахим-паша². Позднее, во время миссии И. Новосельцева частые переговоры с ним вел знаменитый Мехмед Соколлу [Путешествия, 2008. С. 73–74, 90].

Отношения с Сефевидским Ираном имели несколько усложненную логистику, так как выстраивались они через посредничество гилянского хана. Так, Григорий Васильчиков в сентябре 1588 г. находился в Гиляни и активно контактировал с тамгачеем Хозя-Месеи [Памятники, 1890. С. 25–28, 30–32]. Разместили посла в городе Лянгуре³ [Памятники, 1890. С. 27]. В Лянгуре с русским послом кроме тамгачея встречался купец Хозя-Асан и известный кызылбашский дипломат Анди-бей, эмиссар гилянских сепаратистов, представителем хана Ахмета-гилянского — Хозей Усемендином [Памятники, 1890. С. 32, 34, 38]. Через месяц прибытия в Гиляни круг контактов посла расширился за счет сановников хана [Памятники, 1890. С. 43, 46]. 16 октября 1588 г. русский посол наконец-то был принят гилянским ханом [Памятники, 1890. С. 47]. В начале ноября посольский караван достиг «шаховой границы», где основным контактером с иранской стороны стал Махмуд-султан. Уже в Казвине Г.Б. Васильчикова посетил представитель грузинского царя Александра при шахском дворе [Памятники, 1890. С. 64]. В конце января 1589 г. русский посол приехал в Савас, где должен был встретиться с шахом Аббасом, а затем, 3 февраля в город Кум, потом в Кашан, а оттуда 18 февраля в Сваган [Памятники, 1890. С. 72–74]. В этом городе Васильчиков выступил с возмущенной речью перед приставом Улы Улу-беком [Памятники, 1890. С. 75]. Негодование, вызванное этими бесконечными передвижениями,

---

² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 279 об.

³ Имеется в виду Ленгеруд, расположен в 5–10 км от Каспийского моря, в дельте реки Сефируд.

привело к тому, что 22 февраля 1589 г. к русскому послу пришли представители шаха для переговоров, но сам Аббас не появился. Васильчиков был вынужден вновь обсуждать мировую обстановку с сановниками [Памятники, 1890. С. 75–79]. 6 апреля 1589 г. русские вернулись в Казвин, а 9 апреля Васильчиков наконец-то был принят Аббасом [Памятники, 1890. С. 87].

Во всех этих перипетиях нас интересует, какую коммуникационную стратегию избирал посол московского царя. Однако, ничего необычного для московского посольского обычая. После получения подворья Г. Б. Васильчиков старался вести малоподвижный образ жизни. Официальные лица чаще всего приезжали к нему, а в случае необходимости получить дополнительную информацию или договориться о встрече дипломат посылал толмача. В принципе, все отклонения от привычных норм можно объяснить своеобразием самого шаха и способом ведения им дипломатических переговоров. Как, например, известная ситуация конца XVI в., когда Аббас привел московских послов на пир, на котором устроил настоящее представление. Ближе к себе шах посадил московских дипломатов, пониже расположил грузинского царевича и посла царя Александра, а еще ниже разместил посла от бухарского хана Абдуллы. Шах сидел вкушал «овощи, яблока и всякие ягоды слаткие», а затем он спустился к послам и за ним принесли флягу с вином. Обошел послов, предложил русским послам шарapu или вина русского выпить и не кручиниться, ведь умершие русские посольские люди умерли волей Божьею, а не его виной. Так что пейте и «будите веселы». Затем Аббас приказал принести лук и дал послам его натянуть, но ни русские, ни грузинские, ни бухарский послы его не натянули и отдали шаху. Шах его натянул, за ухо, а затем «да с луком трожды ложился возначь, а легши и ноги советь, да и вставал, ни за что не держася». После чего сел около бухарского посла и заявил ему, что Бог даст, пойдет на Бухару с этим самым луком и, Бог даст, вся его земля достанется шаху (ну а не даст, то вся земля шаха достанется бухарскому хану).

Затем Аббас заявил, что из головы Абдуллы-хана, сделает себе чашу, которую окует золотом, и будет пить из нее шарап. После этих слов шах перешел к прямым оскорблениям бухарского хана, объявив, что тот не «мужик, а жонка рабская», торговый мужик и тезик. Эти словесные упражнения шаха продолжались ровно до того момента, как «...у шаховы лавки двои часы маленькие бьют», после чего шах со своими придворными начал молиться, призывая помощь Аллаха на бухарского хана. Посол бухарского хана сидел все это время около шаха «почернев, ни жив, ни мертв, ни одново слова не отвечал». Завершив же молитву, Аббас стал весел и начал «вино и шарап пити» и послов угощать. Однако, легко заметить, что нарушения московского посольского коммуникационного этикета происходило и в этом случае не по вине посла и его окружения, а было лично инспирировано Аббасом.

Иван Хохлов и члены его посольства, направленные в Бухарское ханство, в итоге провели в Хивинском и Бухарском ханствах два года, с осени 1620 по осень 1622 г. За это время и сам посол, и его персонал вступали в разнообразные контакты с местным населением, выстраивая коммуникационные сети, благодаря которым получал информацию.

Основную нагрузку по ведению коммуникаций несли посол, переводчик и толмач. Именно специалисты по переводу Иван Тырков и Семен Гарасимов чаще всего вступали в контакты с исполнителями разных уровней, что не всегда находило отражение в официальной документации миссии. Часто встречающееся слово в статейном списке «приказал» свидетельствует о том, что большую часть рабочих контактов непосредственно сам Иван Хохлов лично не осуществлял. Но как происходила эта коммуникация? Увы, но это из документа ясно далеко не всегда. Впрочем, вряд ли это происходило с помощью переписки, скорее всего, встречая термин «приказал», мы должны понимать, что он либо что-то сообщал назначенному приставу, либо (что происходило не реже) отправлял к тем или иным официальным

лицам принимающей стороны своих переводчика и толмача [Моисеев, 2021. С. 365–377].

Московские послы, находясь в миссии, старались минимизировать контакты, ограничивая их только необходимым кругом официальных лиц. Объяснить подобное поведение можно представлениями о том, что посол символизировал собой суверена его направившего. В таком случае, любая неподобающая встреча, словесное и, хуже того, физическое оскорбление наносили ущерб статусу монарха. Во время нахождения посла при дворе принимающей стороны он был воплощением своего государя и главная функция — не дипломатическая изворотливость, а сохранение или даже приумножение государственной чести. Однако при таком понимании задач посла было сложно выполнить коммуникационную и разведывательную функции дипломатии. Преодолевалась эта сложность тем, что основную коммуникационную нагрузку несли члены посольской свиты и переводчики. Именно переводчики курсировали между домами и кочевьями, встречались с разного уровня управленцами, вели беседы и собирали информацию. Еще одним способом получения информации стали встречи с пленниками, которые укрывались у послов, а также приезжали к ним с целью выкупа. Именно пленники становились едва ли не главнейшими источниками знаний по обстановке в стране назначения.

Литература и источники

Виноградов А. В. Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в. // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой Степи. М.: Восточная литература, 2006. С. 26–73.

Моисеев М. В. Миссия И. Д. Хохлова в Бухару в 1620–1623 гг. и коммуникационные сети русской дипломатии в Центральной Азии // Вестник РУДН. Серия: История России. Т. 20. № 3: Модели политической коммуникации Российского государства с народами Урало-Поволжья, Сибири и Центральной Азии. 2021. С. 365–377.

Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII вв. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1948. 452 с.

Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. СПб.: Наука, 2008. 490 с.

Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / под ред. Н. И. Веселовского. СПб.: Товарищество паровой скоропечатни Яблонский и Перотт. Лештуков пер., д. № 13, 1890. Т. 1. 472 с.

Сергеев А. А. Наказ, данный отправленным в Крым посланникам Амбросию Лодыженскому и подьячему Петру Данилову с объявлением об избрании на Российское царство государя Михаила Федоровича. С отписками их и статейным списком бытности их в Крыму // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь: Типография Таврического губернского земства, 1913. Вып. 50. С. 20–56.

Андриан Афанасьевич Борисов

*Институт гуманитарных исследования
и проблем малочисленных народов СО РАН
677027, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1*

✉ a_a_borisov@mail.ru

DOI 10.25205/978-5-4437-1280-2-41-45

**ДЕФИНИЦИИ УЛУСНОЙ СИСТЕМЫ ЯКУТОВ
В ПРАКТИКЕ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
РОССИИ XVII–XVIII ВВ.:
РОДЫ, ВОЛОСТИ, НАСЛЕГИ, УЛУСЫ**

Увеличение территории любого государства сопровождается вовлечением населявших присоединенные земли народов в процессы управления, развивавшиеся внутри него. Данному государству приходится считаться с традиционным устройством этих народов. Присоединение Сибири сопровождалось неизбежной адаптацией политико-административного пространства, населенного аборигенными народами [Шерстова, 2012. С. 36; Зуев, Игнаткин, Слугина, 2017. С. 378–387]. Причем в историографии считается, что процесс шел в сторону унификации и русификации. В Якутии же процессы адаптации политико-административного пространства имели свою специфику. Термины «земля», «улус», «орда», использовавшиеся местными народами для номинации статуса территорий на раннем этапе русской колонизации свидетельствовали об известной самостоятельности территорий. П. Бекетов в 1632 г. произвел вербальную переклассификацию якутских улусов в «волости» [Зуев, Игнаткин, Слугина, 2017. С. 382].

Улусы — это социальная группа и одновременно политико-потестарное объединение. Их главными признаками являются подвижность и привязанность не к территории, а к населению [Борисов, 2016. С. 134]. Улусы имели двух- или трехпорядковую структуру: первый уровень — патронимический, второй — надклановый, третий — гибридный или экзополитарный. В Сибири в основном сохранились улусы двух первых уровней.

С присоединением к Русскому государству происходит адаптация улуса к российской системе управления. На начальном этапе для этих целей в управленческой практике использовались два термина — «род» и «волость». Они в приемлемых для сознания русских служилых людей смыслах определяли суть улусной системы. Первый, очевидно, обнимал агнатическую группу кровно-родственных семей — конический клан. Второй помимо значительных по численности членов патронимий также соответствовал более крупным группировкам. Из 35 ясачных волостей, образованных в Центральной Якутии, где проживала подавляющая часть якутов, шесть относились к этим последним: Кангаласская, Намская на левобережье Средней Лены, Борогонская, Бетунская, Ботуруская, Мегинская на правобережье Средней Лены. Это были улусные объединения второго порядка. Они выделялись не только по значимости улусных лидеров (в каждой из них были крупные, харизматичные лидеры), но и по численности населения (от 2 тыс. до 5 тыс. чел.). Такой порядок и такая номинация сохранялась почти сто лет. Произошедшее в 1720-х гг. укрупнение волостей в улусы любопытно в том плане, что это событие укладывалось в замеченный в историографии процесс унификации, но не русификации, с одной стороны, и отличалось местным своеобразием — с другой. Неожиданно, термин «улус», применявшийся было первыми землепроходцами в отношении якутских политико-потестарных объединений и вскоре исчезнувший из делопроизводственного лексикона, вдруг «воскрес» и в дальнейшем укоренился. Более того, расширилась география его

применения, охватившая сначала весь Якутский уезд, а затем — область.

Действительно, образованные пять административных улусов¹ — Кангаласский, Намский, Борогонский, Мегинский и Батурусский — объединили вокруг себя по нескольку прежних ясачных волостей, к каждому из которых были приписаны ясачные сборщики. Очевидно, это было удобно из фискальных соображений.

Вместе с тем, как мы уже отметили, восстановилась аборигенная номинация, которая в отличие от предыдущего периода, когда она обозначала группы до 5 тыс. чел., стала охватывать еще более крупные объединения (до 10 тыс. чел. и больше). Примечательно также, что одна прежняя ясачная волость — Баягантайская — сохранила самостоятельность, не войдя в состав укрупненных улусов. Она так долгое время и продолжала именоваться волостью, пока на рубеже XVIII–XIX вв. не приобрела статус улуса наравне со вновь созданными улусами западной и северо-восточной частей Якутии. Здесь, конечно же, сыграло роль, с одной стороны, географическое положение (удаленность и разбросанность), численность населения (несколько тысяч человек) и, наконец, политический вес и активность местной улусной элиты. Хотя, в некоторых источниках ее присоединяли к Борогонской волости [Башарин, 2003. Т. 1. С. 218–219].

Процесс укрупнения был, вероятно, подготовлен практикой взаимоотношений верховной власти с представителями якутской элиты. Напомним, что результатом двух депутатий якутских князцов (1677, 1680 гг.), которые, кстати, были представлены именно тойонами названных улусов, стало назначение главных князцов в ясачных волостях. В 1720-х гг. эти князцы получили еще большую власть.

Подобное развитие событий несколько контрастирует с ситуацией в других регионах, где, как правило, происходило разобщение и раз-

---

¹ Названы улусами с 1730-х гг. (НА РС (Я). Ф. 27-и. Оп. 1. Д. 13. Л. 25–26).

дробление территорий и аборигенных сообществ. Ту же картину мы наблюдаем в Цинском Китае, который упразднил прежнюю улусную систему монголов, заменив ее хошунами, и проводил политику раздробления этих подразделений. На момент присоединения монгольских улусов к Китаю их насчитывалось не более восьми, но затем численность многократно увеличилась.

Интерес представляет и следующая якутская дефиниция — наслег, не имеющий аналогов в других аборигенных обществах Сибири. Данный таксон является порождением как русской административной практики, так и местной специфики. Во многом, бывшие ясачные волости, начиная с 1770-х гг., приняли статус наслега. Доказано также, что сам термин имеет русское происхождение (от слова «ночлег») [Башарин, 2003. Т. 2. С. 491]. Вместе с тем, совершенно очевидна связь «наслега» с традиционной улусной системой. В делении улуса на наслеги проявился еще один институциональный признак улуса — подчиненность кочующего населения к улусному главе в силу не только территориальной близости, но и особых, возникающих только в кочевой среде «саунных» отношений. И только значительно позже, уже в XIX в., сибирская администрация переформатировала эту единицу в соответствии с «Уставом» 1822 г. Первоначально же наслеги возникли как естественное воспроизводство традиционных улусных устоев.

Таким образом, якутский пример адаптации политико-административного пространства якутских территорий в XVI–XIX вв. является собой своеобразный образец взаимодействия имперских технологий и местных политико-потестарных обычаев. На раннем этапе, в XVII в., в делопроизводственной практике регионального управления произошла русификация и упрощение дефиниций, присущих якутской политико-потестарной традиционной системе. В дальнейшем, на протяжении XVIII в., происходит восстановление улусной организации и приспособление ее к нуждам государственной системы управления Российского государства в Якутии.

А. А. Борисов

Литература и источники

Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии: в 2 т. М.: Арт-Флекс, 2003. Т. 1. 448 с.

Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии: в 2 т. М.: Арт-Флекс, 2003. Т. 2. 520 с.

Борисов А. А. Улус как универсальная форма политической и общественной самоорганизации тюркских и монгольских народов // Евроазийн нүүдлийн аж ахуй. Түүх, Соёл, Хүрээлэх орчин. Сэндай, 2016. С. 123–134.

Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в состав Российского государства в конце в конце XVI — начале XVIII в. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. 444 с.

Шерстова Л. И. Аборигенная политика московского царства в Сибири: проблема синтеза социально-политических институтов в XVII в. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 365. С. 93–98.

Илья Васильевич Тутаев

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

198095, Россия, г. Санкт-Петербург,

ул. Промышленная, д. 17, лит. А

✉ TutaevLawyer@yandex.ru

DOI 10.25205/978-5-4437-1280-2-46-52

**«КИТАЙСКИЙ ПЛУТОВСКОЙ УСТАВ»
КАК ОСНОВА РЕГУЛИРОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ
МЕЖДУ РУССКИМИ И КИТАЙСКИМИ ТОРГОВЦАМИ
В XVIII–XIX ВВ.: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
ДОКУМЕНТА ***

Взаимоотношения между Россией и Китаем¹ начались с XVII в. Оба государства стремились к оформлению добрососедских отношений, однако на протяжении всего XVII в. такие попытки, выражавшиеся в направлении дипломатических миссий и торговых караванов, не имели особого успеха [Березницкий, 2017. С. 3–4]. Тем не менее, стороны смогли придти к соглашению, итогом которого стало заключение Нерчинского договора в 1689 г. Его положения впоследствии были развиты в Кяхтинском договоре 1727 г. Вышеназванные правовые памятники были направлены на регулирование самых разных во-

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

¹ В рамках настоящей статьи «Китай» и «Империя Цин» считаются равнозначными понятиями.

© И. В. Тутаев, 2021

просов: от установления границ до порядка разрешения дел о грабежах и разбоях. Однако договоры примечательны, прежде всего, тем, что именно они положили начало русско-китайской торговле.

Торговля сама по себе, будучи общественным отношением, нуждается в правовом регулировании. Империя Цин и Россия издавали самые разнообразные нормативно-правовые акты, направленные на урегулирование русско-китайской торговли. Одним из наиболее примечательных документов, изданных китайским законодателем, является «Секретная инструкция Лифаньюаня² дзаргучею из Маймайчэна». Вышеназванный документ также известен под названием «Китайского плутовского устава» (далее — «Устав»). Обозначенный правовой памятник, адресованный пограничной администрации, касался вопросов организации как русско-китайской торговли в целом, так и взаимоотношений между купцами в частности.

Содержание «Устава» позволяет задать следующий вопрос: какой характер взаимодействия (коммуникации) между русскими и китайскими купцами был установлен законодателем империи Цин в соответствии с положениями «Устава»? Ответ на обозначенный вопрос представляет собой цель настоящего исследования.

Текст «Устава» впервые был опубликован на русском языке еще в 1834 г. в журнале «Библиотека для чтения» [Китайский плутовский устав, 1834. С. 79–83], когда его актуальность уже, судя по всему, была утрачена [Лапин, 2015б. С. 631]. Хотя оригинал правового памятника не обнаружен, в настоящий момент отсутствуют опровержения подлинности самого «Устава», что, впрочем, не отменяет необходимости критического отношения к имеющемуся переводу. Сам правовой памятник практически не становился предметом для изучения. В этой связи следует отметить работы П. А. Лапина, в рамках

---

² Лифаньюань — орган государственной власти в империи Цин, ответственный за организацию взаимоотношений центральной имперской администрации с вассалами Китая, а также ведавший торговлей с Россией.

которых рассматривалось правовое регулирование, установленное «Уставом» [Лапин, 2015а. С. 25–41; Лапин, 2015б. С. 625–637]. Однако в них дается лишь общий обзор установленного регулирования, а сами положения «Устава» не рассматриваются детально. Указанное обстоятельство влечет необходимость в проведении более детальных исследований правового памятника.

Оценивая содержание «Устава», следует отметить, что он регулировал правовые статусы дзаргучей и купечества. Дзаргучей являлся чиновником, назначавшимся из числа монголов и обладавшим рядом исполнительных и судебных полномочий, среди которых контроль за русско-китайской торговлей [Петров, 2009. С. 5; Маланова, 2011. С. 35; Лапин, 2015а. С. 27]. Что касается купечества, которое непосредственно занималось торговой деятельностью, то совокупный анализ всех положений «Устава» в целом позволяет заключить, что оно понималось в качестве корпорации. Корпоративный характер организации китайской торговли с Россией отмечается и в научной литературе [Попов, 2010. С. 42]. Таким образом, «Устав» регулировал правовые статусы тех лиц, которые непосредственно были связаны с ведением русско-китайской торговли.

«Устав» устанавливал регулирование института купеческих собраний, в участии которых принимали дзаргучей и купечество. Указанные собрания в соответствии со ст. 1 «Устава» должны были проходить ежедневно по вечерам под председательством дзаргучей. На указанных собраниях должны были рассматриваться все вопросы, связанные с русско-китайской торговлей. По итогам обсуждения дзаргучей должен был принять решение, в соответствии с которым купцам выдавались так называемые «билеты», в которых должны быть отражены сведения об объемах торговли. Сами «билеты» были юридически значимыми документами, а торговля должна была вестись в строгом соответствии с ними. Несоблюдение положений «билета» являлось основанием для привлечения к ответственности в соответствии со ст. 9 «Устава».

Выданные дзаргучеем «билеты» являлись основой для ведения китайскими купцами торговли с Россией. При ведении самой торговли купцы должны были также исполнять обязанности, предусмотренные правовым памятником. Указанные обязанности можно систематизировать в две основные группы: разведывательные и спекуляционные, которые следует рассмотреть более детально.

Разведывательные обязанности предполагали возложение на купцов функций разведчиков, которые должны были выявлять в пользу Китая сведения о состоянии дел в России: притом не только коммерческих, но и государственных! Так, в соответствии со ст. 5 «Устава» купцы были обязаны по возможности выявлять такие сведения для последующего сообщения о них на купеческом собрании. Примечательно, что несообщение таких сведений является основанием для привлечения к ответственности в соответствии со ст. 8 «Устава». Представляется, что с указанной обязанностью тесно связан запрет на распространение китайскими купцами аналогичных сведений о состоянии дел в Китае. Подобный запрет напрямую предусмотрен в ст. 6 «Устава». Законодателем предусмотрены и меры ответственности за соответствующее правонарушение. Однако если распространение коммерческих сведений влечет в соответствии со ст. 12 «Устава» лишь заключение под стражу и ограничение на ведение торговли с Россией, то распространение государственных сведений каралось гораздо строже — битье палками за раскрытие сведений о содержании «Устава» или «билета» в соответствии со ст. 13 «Устава» и смертная казнь за раскрытие сведений о государственных делах в соответствии со ст. 14 «Устава».

Спекуляционные обязанности, в свою очередь, направлены на организацию купцами деятельности таким образом (в том числе и с применением различных хитростей и уловок, вследствие чего «Устав» и получил название «плутовского»), чтобы ситуация на рынке складывалась наиболее удачным образом исключительно для китайской стороны. В соответствии со ст. 2 «Устава» купцы

должны были привозить в Кяхту небольшое количество собственных товаров и понижать цены на русские товары. Остальные обязанности более явно предполагают применение купцами «плутинства»: объявление, якобы, «по секрету» о нужде в покупке русских товаров, необходимых государству (ст. 3 «Устава»), сообщение об отсутствии нужды в русских товарах, если те прибыли в избытке (ст. 4 «Устава»), распространение ложных сведений о состоянии дел в Китае (ст. 6 «Устава»), проявление незаинтересованности в приобретении русских товаров (ст. 7 «Устава»). Примечательно, что лишь за проявление заинтересованности к приобретению русских товаров установлена мера ответственности в соответствии со ст. ст. 15 и 16 «Устава». Судя по всему, это вызвано тем обстоятельством, что контроль за соблюдением иных обязанностей обеспечить попросту невозможно.

Вышеназванные положения Устава демонстрируют достаточно жесткое регламентирование китайским законодателем порядка ведения русско-китайской торговли. Государство принимало активную роль в определении характера торговли, в строгом соответствии с которым китайское купечество должно было вести свою деятельность, а также возлагало ряд обязанностей, связанных, прежде всего, с публичными интересами. В этой связи представляется необходимым сослаться на положение ст. 7 «Устава», которое подтверждает мысль о публичном характере торговли: «Частная значительная выгода не должна меняться на общую: последняя непременно наградит всех и в особенности каждого, ведущего свой торг основательно, а первая приносит только вред общей пользе, и сверх того разрушает порядок торговли с иностранцами».

Содержание положений «Устава» в целом позволяет выявить, что законодателем был избран императивный метод регулирования, предполагающий выстраивание модели власти-подчинения между субъектами правоотношений (где со стороны власти выступает государство в лице дзаргучея, а со стороны подчинения — купечество).

Подобный метод регулирования характерен, прежде всего, для публичных отраслей права.

Все вышесказанное, очевидно, свидетельствует о том, что русско-китайская торговля воспринималась в качестве государственно-значимой деятельности. Соответственно, китайские купцы в таком случае играли роль государственных агентов, через деятельность которых реализовывалось достижение государственных интересов. Следовательно, при взаимодействии с русскими купцами они являлись не частными лицами, ведущими предпринимательскую деятельность, а, прежде всего, трансляторами государственных интересов империи Цин, среди которых не только защита китайского рынка от иностранного влияния, но и выявление информации, имеющей существенное значение для государства.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать следующие выводы. «Китайский плутовской устав» является примечательным нормативно-правовым актом, изданным китайским законодателем, направленным на урегулирование отдельных вопросов русско-китайской торговли. В соответствии с положениями «Устава» китайские купцы при осуществлении торговли в строгом соответствии с «билетами», выдаваемыми чиновником-дзаргучеем, должны были выполнять разведывательные и спекуляционные обязанности в публичных интересах, тем самым играя роль государственных агентов. Следовательно, коммуникация между русскими и китайскими купцами в соответствии с положениями «Устава» носила характер трансляции государственных интересов Китая.

Литература и источники

Березницкий С. В. Караванная торговля России с Китаем и отечественная наука XVIII века. СПб.: МАЭ РАН, 2017. 266 с.

Китайский плутовской устав // Библиотека для чтения. Т. IV. Отд. VII (Смесь). СПб.: Типография вдовы Плюшар с сыном, 1834. С. 79–83.

Лапин П. А. Российско-китайская торговля в Кяхте и кяхтинско-китайское наречие русского языка (первая половина XVIII — вторая половина XIX в.) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2015а. № 1. С. 25–41.

Лапин П. А. «Китайский плутовской устав», или секретная инструкция китайским пограничным властям о ведении торговых дел с Россией (первая половина XVIII — вторая половина XIX вв.) // Общество и государство в Китае. 2015б. № 2. С. 625–637.

Маланова А. В. Маньчжурские органы управления русско-монгольскими отношениями в XVII–XIX вв. // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. История и политология. 2011. № 3. С. 31–36.

Петров А. И. Китайцы в Кяхте (1727–1917 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2009. № 1. С. 3–14.

Попов Р. И. Экономическое поведение китайского купечества конца XVIII–первой половины XIX в. в записках русских современников // Вестник ДВО РАН. 2010. № 2. С. 40–46.

Шухрат Бахронович Мухамедов

*Филиал Российского государственного университета
нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина в городе Ташкенте
100125, Узбекистан, г. Ташкент, ул. Дурмон йули, 34
✉ shukhrat.mukhamedov@gmail.com*

DOI 10.25205/978-5-4437-1280-2-53-60

ПОЛИТИКА КРАЕВОГО РУКОВОДСТВА В ТУРКЕСТАНСКОМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВЕ В ОТНОШЕНИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Вопросы народного образования в политике Российской империи в Средней Азии имели государственное значение. 17 мая 1875 г. в Туркестанском крае было открыто Управление учебными заведениями. Свою деятельность это учреждение начало 1 января 1876 г. На основе архивных источников попытаемся воссоздать картину образования Управления учебных заведений в Туркестане.

Министерство просвещения Российской империи подготовило всю необходимую законодательную базу для эффективной деятельности учебных заведений во «вновь присоединенном крае». 8 марта 1875 г. Министерством народного просвещения был принят проект положения «Об Устройстве управления по учебной части в Туркестанском крае и об учреждении прогимназии в Ташкенте и Верном»¹. Как отмечено в проекте, устройство управления учебной частью в Туркестанском крае предполагалось «образовать на одинаковом основании с Сибирью, с подчинением онаго Мини-

---

¹ НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.

© Ш. Б. Мухамедов, 2021

стерству Народного просвещения, на общем основании»². Вместе с тем, в ведение главного инспектора училищ Туркестанского края «предполагалось передать не только все русские гражданские училища, но и все инородческие, соответственно Высочайше утвержденному, 20 ноября 1874 г., мнению Государственного совета о передаче в заведывание Министерства Народного просвещения всех училищ для инородцев, а равно мектебе и медресе, существующих в Казанском и Оренбургском учебном округах»³. Благодаря Высочайше принятому решению по инородческим учебным заведениям Министерство Народного просвещения постановляло, что «инородческие училища Туркестанского края впредь открываются не иначе, как с *разрешения главного инспектора училищ сего края*»⁴ (здесь и далее курсив мой. — *Прим. авт.*).

Для привлечения квалифицированных учительских кадров в Туркестанский край министерство приняло решение выплачивать заработную плату приехавшим «на 50 % более против соответствующих окладов в прочих прогимназиях» в европейской России»⁵. Для главного инспектора училищ был определен оклад в 5000 руб. в год, учитывая, что «он будет совмещать в себе обязанности двоякого рода: общия — для прочих главных инспекторов, и специальные — инспектора инородческих училищ...»⁶.

Рассматриваемый проект интересен тем, что в нем хотя бы приблизительно приводится количество мусульманских и российских учебных заведений в Туркестанском генерал-губернаторстве (см. таблицу). Отметим, что сюда не входит территория еще не завоеванного Российской империей Кокандского ханства.

---

² НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1. Л. 48 об.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 49.

**Учебные заведения в Туркестанском
генерал-губернаторстве (1875 г.) ***

Организации	Количество	Общее число учащихся обоего пола
Школы для русских, содержащиеся за счет казны	25	1074
Школы туземные (медресе и мактабы)	1657	19 695

* Составлено по: НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.

Особая забота Министерства народного просвещения, как видно из текста проекта, была проявлена к детям находившихся в крае русских людей. Для них, по мнению министра графа Д. Толстого, необходимо было создать все условия для проживания в чужом крае и в первую очередь открыть учебные заведения. Создание управления учебных заведений в Туркестане, являлось необходимой задачей, так как до этого времени в крае не было ни одного представительства Министерства народного просвещения.

В проекте, исходя из этого, поручалось в том числе следующее: «2. Ведению управления по учебной части подчинить все существующие уже в Туркестанском крае русские и инородческие училища, причем на будущее время допускать учреждение инородческих училищ не иначе, как с разрешения помянутого управления»⁷. 17 мая 1875 г. данный проект был утвержден⁸.

29 февраля 1876 г. туркестанским генерал-губернатором был принят приказ № 1, в котором говорилось: «с 1-го января текущего года все существующие в генерал-губернаторстве учебные заведения, как русские так и туземные, поступают в ведение Народного про-

⁷ НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1. Л. 53 об.

⁸ НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.

свещения, органом которого в крае является отдельное управление училищами, состоящее из Главного Инспектора училищ Туркестанского края, Секретаря и Помощника Секретаря»⁹. По ходатайству К. П. фон Кауфмана, на должность Главного инспектора учебных заведений края был назначен надворный советник А. Кун, ранее работавший при генерал-губернаторе чиновником особых поручений по учебному делу.

В архивном деле подготовки организации учебного управления в Туркестанском крае имеются проекты документов, в которых четко обозначены цели и задачи вновь создаваемого учебного ведомства. Документы не имеют подписей автора. Однако с большей степенью уверенности можно предполагать, что документы были подготовлены под руководством чиновника по особым поручениям по учебному делу при Туркестанском генерал-губернаторе А. Куном. Начало подготовки этих документов датируется 4 января 1875 г.

В деле имеются следующие документы: «Положение об устройстве учебной части в Туркестанском крае», «Штаты народных училищ в Туркестанском крае», «Основные положения устройства учебной части и народного образования в Туркестанском крае», «Объяснительная записка»¹⁰. Именно эти документы были представлены на рассмотрение и утверждение Министерства народного просвещения, на основе которых и было принято положение об организации учебного управления в Туркестанском крае.

Условно задачи, поставленные в этих документах можно сгруппировать в четыре пункта:

1. Устройство учебных заведений для русского населения.
2. Устройство учебных заведений для совместного обучения русских детей и инородцев.
3. Устройство учебных заведений для детей кочевников в степи.

---

⁹ НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.

¹⁰ НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1.

4. Привлечение в край квалифицированных учительских кадров посредством введения льгот.

В документах четко обозначена цель управления учебного дела в Туркестанском генерал-губернаторстве: «Народное образование занимает одно из первых мест в ряду мер, которыми администрация Туркестанского края полагает выполнить главную лежащую на ней задачу: развить производительность страны и ввести ее в общий строй русской государственной жизни. Дело народного образования может состоять только путем правильно устроенных народных училищ»¹¹. В документе говорится о том, что эти народные училища должны представлять полную возможность к обучению в них массы населения, а не единичных личностей, «которые выделяясь из первобытной своей среды <...>, мало производят изменений в повышении умственного уровня массы»¹².

Главное, по мнению авторов представленных документов, состоит в том, что «развитие народного образования в крае должно состояться в направлении русских интересов, которые заключаются в развитии экономической стороны жизни населения, его гражданственности и солидарности его стремлений с основами русской государственной жизни. Но при этом религиозные убеждения инородцев должны остаться вне всякого прямого посягательства со стороны школы, — она отнюдь не должна иметь конфессионального направления»¹³.

В виду разнородности населения Туркестанского края было предложено совместное обучение в них детей разных национальностей, так как именно такое обучение «влияя на сглаживание различий в основных понятиях детей инородческого населения, представляет существенные выгоды в деле ассимилирования завоеванного края»¹⁴.

---

¹¹ НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

¹² Там же. Л. 7-7 об.

¹³ Там же. Л. 7 об.

¹⁴ Там же. Л. 8.

Предлагалось независимо от проектируемой системы народных училищ в крае открыть две гимназии, чтобы «дети служащих в таком отдаленном крае чиновников, не были лишены возможностей воспользоваться впоследствии образованием, даваемыми высшими учебными заведениями, или же просто правами предоставляемыми средними учебными заведениями при поступлении на государственную службу»¹⁵. Поступление в гимназии оставалось возможным и для «детей инородцев»¹⁶.

Особое внимание в рассматриваемых нами «проектах положения» уделялось организации учебного процесса среди кочевого населения: «Низкой степени умственного развития массы кочевого населения будет соответствовать элементарная школа, которая, распространив в народе грамотность, даст возможность действовать на его развитие посредством распространения книг для чтения»¹⁷. Правильно было отмечено в «проекте положения», что такие школы будут посещаться учениками при условии, «если будут открыты среди кочевков»¹⁸. Открытие этих школ в степи, по мнению авторов «проекта положения», должно быть предоставлено инициативе частных лиц из среды самого населения, окончивших курсы в уездных школах и получивших право на преподавание в элементарной школе¹⁹. Для привлечения выпускников уездных школ из числа «киргиз» (современные казахи) к открытию элементарных школ в степи «им назначается от казны жалованье, при условии посещения школы определенным числом учеников и успешным преподаванием»²⁰. Предлагалось при первой возможности в каждом из уездных городов края «открыть уездные

---

¹⁵ НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

¹⁶ Там же. Л. 8 об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 9.

школы, в которой могли бы обучаться как дети русского, так и иногородческого населения»²¹.

Говорилось в «проекте положения» и об учебных предметах, которые намечалось преподавать в уездных школах:

«1. Закон Божий — для детей православного вероисповедания. *Мусульманское вероучение не вводится* в программу преподавания»²².

2. Русский язык, с наглядным обучением и ознакомлением учеников с предметами и явлениями обыденной жизни.

3. Туземные языки — обязательные для детей инородцев, готовящихся в учителя элементарных школ. При обучении чтению и письму на туземных языках, вводится вместо арабской графики — русская.

4. Землеописание — преподается в старшем отделении школы в размерах учебника «Уроки Географии» Д. Семенова. Подробнее о той области, в которой находится школа и всего Туркестанского края.

5. Счисление — программа онаго заканчивается четырьмя действиями над простыми и десятичными дробями.

6. Обучению рисованию и черчению, чтобы ученики могли свободно, от руки изобразить очертание не особенно сложных предметов, что им особенно будет пригодно при обучении ремеслам.

7. Обучение ремеслам: портняжному, сапожному, слесарному, кузнечному, столярному и др. Введение в обучение того или другого из этих ремесел в школах разных уездов обуславливается местными требованиями и возможностью производства того или другого ремесла в данной местности»²³.

Время обучения в уездной школе предполагалось определить в четыре года. Для тех же учащихся, которые готовились стать учителям

---

²¹ НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

²² Не вводились в программу Российских учебных заведений и преподавание «Закона Божьего» и других религиозных конфессий.

²³ НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–10 об.

элементарных школ, добавлялся для обучения еще один год, «который и назначался преимущественно для практических упражнений в преподавании»²⁴.

Надо сказать о том, что в целом вышесказанные положения проекта, были утверждены Министерством народного просвещения Российской Империи.

---

²⁴ НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 об.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: РОССИЙСКИЙ, СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ОПЫТ (XX–XXI ВВ.)

Александр Петрович Дементьев

*Сибирский федеральный университет
660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 79*
✉ dementjev.ap@yandex.ru

Владимир Александрович Дробченко

Независимый исследователь
✉ vadrobchenko@yandex.ru

DOI 10.25205/978-5-4437-1280-2-61-69

МЕЖПАРТИЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СИБИРИ ПОСЛЕ СВЕРЖЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ (МАРТ — ОКТЯБРЬ 1917 Г.)

Деятельность политических партий, как правило, связана с борьбой за власть, ее удержание или осуществление. Результаты этой борьбы зависят как от партийной стратегии, так и от тактики, включающей в себя определение политических партнеров и взаимодействие с ними.

© А. П. Дементьев, В. А. Дробченко, 2021

Особую актуальность борьба политических партий за власть приобрела после свержения самодержавия, причем как в столице, так и на окраинах бывшей Российской империи. С марта 1917 г. расстановка политических сил в Сибири, как и в стране в целом, кардинально изменилась. Основными партиями, вышедшими на политическую арену, оказались кадеты, эсеры и социал-демократы. В отдельных районах Сибири заметную роль играли народные социалисты и анархисты.

В политический процесс включились представители национальных диаспор. Так, в Томске в марте — апреле 1917 г. оформились отделы Бунда, Польской социалистической партии, сионистов, украинских националистов, украинских социалистов-федералистов, грузинских социалистов-федералистов [Дробченко, 2010. С. 269]. В марте — мае организации Бунда также были созданы в Иркутске, Ново-николаевске, Красноярске, Кабанске [Нам, 1982. С. 44–45].

После свержения самодержавия на местах была предпринята попытка консолидации всех демократических сил. На практике это выразилось в формировании органов революционной власти — комитетов общественной безопасности (КОБ), в которых был представлен весь спектр сложившейся политической палитры. По данным Е. Н. Бабиковой, в состав Иркутского комитета общественных организаций входили 38 эсеров, 33 меньшевика (в том числе семь интернационалистов), 27 кадетов, восемь народных социалистов, семь большевиков, один межрайонец и один сионист [Бабикова, 1980. С. 68].

Наиболее близкими в постфевральский период оказались позиции эсеров и социал-демократов. На совещании социалистов-революционеров в Иркутске 6 марта 1917 г. присутствовавшие там социал-демократы С. М. Гуревич и В. Г. Архангельский даже высказались за то, чтобы в ближайшем будущем обе партии слились в одну социалистическую [Съезды... в Иркутской губернии, 1991. С. 6–7].

До середины лета 1917 г. все социал-демократические организации в Сибири оставались объединенными, в большинстве из них

отсутствовало деление на фракции. Секретарь Томской организации РСДРП А. Петренко отмечал, что «предыдущая совместная жизнь... не давала повода к фракционным столкновениям, да и момент был настолько важный, что не возникло ни у кого мысли разойтись по фракциям» [Петренко, 1926. С. 93].

Расстановка политических сил на местах была обусловлена не только социально-экономическими факторами. Существенный отпечаток на нее накладывал также субъективный фактор. Прежде всего, это было обусловлено деятельностью конкретных лиц, их политической ориентацией, активностью, способностью оказывать влияние на массы. В Красноярске, например, действовали такие видные большевики, как А. И. Окулов, А. Г. Шлихтер, А. Г. Рогов, Б. З. Шумяцкий, В. Н. Яковлев. В результате еще с весны 1917 г. город стал центром большевистского влияния: 30 мая здесь оформилась первая большевистская организация Сибири.

Большинство рабочих Анжерских копей весной 1917 г. поддерживало эсеров, тогда как на расположенных рядом Судженских копиях преобладало влияние социал-демократов, хотя в обоих случаях имели место исключения. Так, по воспоминаниям рабочего М. Ф. Федоренко, на Судженских копиях шахта № 5 считалась чисто большевистской, а шахта № 7 — эсеровской¹. Однако такое партийное разделение не мешало вплоть до осени 1917 г. горнякам и их партийным лидерам поддерживать дружеские отношения, проводить совместные акции и мероприятия.

Первые межпартийные противоречия в Сибири проявились уже в начале марта 1917 г., и возникли они не между левыми и правыми, а между крупными и небольшими (национальными) партиями. Так, при выборах в Томский КОБ Бунду первоначально было отказано в представительстве в связи с тем, что присутствующим ничего

---

¹ Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-483. Оп. 1. Д. 175. Л. 3.

не было известно о его деятельности в Томске до революции [Шотман, 1927. С. 256].

На муниципальных выборах в Томске в апреле 1917 г. левые партии выдвинули коалиционный список, однако представители национальных партий при распределении мест в этом списке посчитали себя обделенными и решили «сплотиться вместе с другими миноритарными народностями для защиты совместными усилиями национальных интересов, которые не признаются местными социалистами» [Общественно-политическая жизнь, 2013. С. 180].

К концу марта все отчетливее стали проявляться противоречия между социалистами и кадетами. Томские кадеты выступили против реформы местного самоуправления, разработанной возглавлявшими губернский КОБ социалистами. С критикой реформы выступил и патриарх сибирского областничества Г. Н. Потанин.

Кадеты, оказавшиеся после Февральской революции на правом фланге политических сил, все чаще подвергались критике со стороны социалистов, теряя и без того небольшую поддержку в массах. На общесибирском съезде партии Народной свободы, состоявшемся в Томске 30 апреля — 2 мая 1917 г., делегаты выразили полную поддержку Временному правительству и высказались за предоставление Сибири широкой автономии [Съезды... в Томской губернии, 1992. С. 28–29]. Таким образом, сибирские кадеты взяли на вооружение областнические лозунги и внесли коррективы в свою программу.

18 июня в томской газете «Сибирская жизнь» была опубликована статья Г. Н. Потанина «Областничество и диктатура пролетариата», в которой жесткой критике была подвергнута большевистская доктрина. «Сибирским областникам предстоит борьба с большевиками», — предрекал Потанин. По сути, эта статья носила программный характер, а областничество стало основой для консолидации антибольшевистских сил Сибири. Важными вехами на этом пути стали Сибирская областническая конференция и I Сибирский областной съезд, прошедшие в Томске 2–9 августа и 8–17 октября 1917 г. соответственно.

Процесс партийного размежевания ускорился в ходе выборов в городские думы, которые состоялись летом 1917 г. В большинстве городов Сибири ведущие политические партии, выставив каждая свой список, тем самым усилили борьбу за вовлечение в сферу своего влияния социальных слоев и общественных организаций.

Выборы привели и к обострению внутрипартийных противоречий. В конце июня 1917 г. собрание объединенной социал-демократической организации Красноярска вынесло решение о присоединении к ЦК РСДРП(б). К середине осени 1917 г. в большинстве промышленных центров образовались самостоятельные большевистские организации.

После июльских событий усилился процесс распада эсеровской партии и завершилось образованием в ней отдельных фракций. В Красноярске, например, к середине июля 1917 г. организация левых эсеров во главе с Н. В. Мазуриным, А. Г. Лебедевой и С. Г. Лазо объединяла до 60 человек. В целом левое крыло эсеров выступало за углубление революции и разрыв коалиции с буржуазными партиями.

Параллельно продолжался раскол РСДРП. Меншевистские организации оформились в Красноярске, Енисейске, Канске, на приисках Южной и Северной Тайги, на станциях Иланской и Чернореченской, в селе Ужур, на Черногорских каменноугольных копях. По численности они были невелики: Боготольская насчитывала 150, Красноярская — 145, Канская — 80 человек [Шерстянников, 1992. С. 68]. При этом в губернских и большинстве уездных центров объединенные социал-демократические организации, включавшие представителей различных течений, продолжали действовать и после выхода из них большевиков.

С лета 1917 г. в борьбе социалистов за влияние на массы довольно четко оформились два блока: с одной стороны — эсеры и меньшевики, с другой — большевики и примыкавшие к ним левые эсеры, меньшевики-интернационалисты, анархисты. Хотя время от времени возникали также иные комбинации. Как правило, межпартийное

сотрудничество не было формально закреплено: оно определялось конкретными условиями совместной борьбы с политическими оппонентами за достижение провозглашенных целей [Дементьев, 2018. С. 189].

В Tobольской губернии довольно сильными оказались позиции кадетов и энесов, которые вместе с эсерами возглавили работу властных структур и общественных организаций. Из-за слабости пролетарской базы социал-демократы не имели там массовой поддержки. Влияние большевиков и анархистов в губернии было незначительно.

В Акмолинской области после раскола объединенных социал-демократических организаций большевикам пришлось вести борьбу с блоком меньшевиков-интернационалистов и эсеров. Большевики по важнейшим вопросам выступали совместно с эсерами-максималистами. До конца осени 1917 г. интернационалистам удавалось сохранить за собой руководство профессиональным движением в Омске.

В Томской губернии расстановка политических сил была обусловлена спецификой размещения основных отрядов трудящихся. В самом Томске большевики опирались, главным образом, не на рабочую, а на солдатскую массу. На политическую ситуацию в губернии в значительной степени влияло положение в горняцких поселках Кузбасса. Сильные большевистские организации сложились на Судженских коях и Кольчугинском руднике. В Новониколаевске, где, по словам Б. Шумяцкого, «господствовал своеобразный радикальный меньшевизм» [Шумяцкий, 1926. С. 11], осенью 1917 г. блоку большевиков и левых эсеров удалось существенно укрепить свои позиции.

В сельскохозяйственной Алтайской губернии большевикам удалось привлечь на свою сторону часть рабочих только в Барнауле. Меньшевики сохраняли свое влияние на крупные профессиональные отряды.

В Красноярске, именуемом в прессе «цитаделью большевизма»², сложилась коалиция большевиков, левых эсеров и анархистов. Боль-

---

² Сибирь. 1917. 16 июля.

шевики Енисейской губернии численно преобладали в советах рабочих и солдатских депутатов, а также рабочих профсоюзах, победили на выборах в городскую думу.

В Иркутской губернии наиболее прочными были позиции эсеров и меньшевиков. Недостаток собственных сил и отсутствие серьезной опоры в массах определили лояльность большевиков к политическим соперникам и готовность к компромиссу после февраля 1917 г. В губернском центре и на Черемховских коях активно действовали анархисты.

В Забайкальской области по сравнению с другими сибирскими регионами затянулось не только выделение самостоятельных большевистских организаций, но и создание фракций в рамках объединенных организаций РСДРП. По оценке Б. Шумяцкого, «читинская организация была самой упорной защитницей идеи коалиции и гражданского мира» [Шумяцкий, 1926. С. 11].

В начале осени 1917 г. в Сибири заметно выросло влияние большевиков, умело использовавших в своих целях нарастающее недовольство наименее защищенных социальных слоев. Советский историк Д. М. Зольников отмечал, что по идейным убеждениям большевиков поддерживало 5–6 тыс. человек, в основном рабочих — членов большевистских партийных организаций. Подавляющее большинство рабочих требовало коренных перемен под влиянием резкого ухудшения условий жизни [Зольников, 1969. С. 127].

Антибольшевистская пропаганда не приносила оппонентам большевиков желаемых результатов. В этих условиях сибирские эсеры вслед за кадетами приняли на вооружение идеи областничества, взяв на себя и руководство областническим движением. Под полным контролем эсеров в начале октября 1917 г. был проведен I Сибирский областной съезд, который высказался за автономию Сибири и постановил, что «вся полнота власти в пределах Сибири должна принадлежать Сибирской областной думе...» [Съезды... в Томской губернии, 1992. С. 119–124].

На протяжении всего рассматриваемого периода межпартийные отношения в регионе осуществлялись в рамках парламентской демократии. Основными инструментами партийной борьбы являлись агитация и пропаганда, в том числе посредством периодической печати, широко использовалась работа в органах самоуправления и общественных организациях. Одной из важных форм политической конкуренции стало участие политических партий в муниципальных выборах. Однако в условиях углубляющегося социально-экономического кризиса все эти меры оказались неэффективными и неспособными противостоять нараставшему массовому радикализму.

Литература и источники

Бабикова Е. Н. Двоевластие в Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. 158 с.

Дементьев А. П., Коновалова О. В. Общественно-политическая борьба в Енисейской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Красноярск: СФУ, 2018. 319 с.

Дробченко В. А. Общественно-политическая жизнь Томской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 550 с.

Зольников Д. М. Рабочее движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск: Наука, 1969. 334 с.

Нам И. В. Польские организации и сибирская областная дума (1917–1918 гг.) // Человек — текст — эпоха. Вып. 3: Социокультурные аспекты освоения Сибири. Томск, 2008. С. 49–78.

Нам И. В. Сибирские организации Бунда в 1917 г. // Вопросы истории общественно-политической жизни Сибири периода Октября и Гражданской войны. Томск, 1982. С. 42–54.

Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. Т. 2: Март 1917 — май 1918 г.: в 2 ч. Ч. 1: Март — август 1917 г. / сост. *Э. И. Черняк, В. А. Дробченко*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. 416 с.

А. П. Дементьев, В. А. Дробченко

Петренко А. Февральская революция в Томске // Пролетарская революция. 1926. № 2 (49). С. 91–100.

Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Иркутской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 г.) / сост. *В. Г. Зыкова*. Томск, 1991. 205 с.

Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 г.) / сост. *Э. И. Черняк*. Томск, 1992. Ч. 1–2. 333 с.

Шерстянников Н. А. Октябрьская революция и организационное банкротство меньшевиков в Сибири // Из истории социальной и общественно-политической жизни советской Сибири. Томск, 1992. С. 67–69.

Шотман А. В. Февральская революция в Томске // Пролетарская революция. 1927. № 2–3. С. 252–277.

Шумяцкий Б. Организации социал-демократов большевиков Сибири в 1917 г. Вступительная статья // *Максаков В., Турунов А.* Хроника Гражданской войны в Сибири. М.; Л., 1926. С. 3–27.

Михаил Игоревич Вебер

*Институт истории и археологии УрО РАН
620108, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16
✉ mikeveber@mail.ru*

DOI 10.25205/978-5-4437-1280-2-70-81

**НАЧАЛЬНИК КОНТРРАЗВЕДКИ
ЗАПАДНОЙ АРМИИ КОЛЧАКА
Н. Ф. НОВИЦКИЙ:
ШТРИХИ К БИОГРАФИИ**

В годы Гражданской войны в России надзор, а иногда и прямой контроль над политической коммуникацией, осуществляли разнообразные органы государственной безопасности. Кроме того, они и сами были частью процесса политической коммуникации: собирая и анализируя информацию о настроениях различных социальных групп, о фактическом положении дел на местах, они выступали в роли канала обратной связи между властными элитами и обществом. Одним из наиболее значимых органов государственной безопасности колчаковского режима было Контрразведывательное отделение штаба Западной армии. В то же время в трудах отечественных историков спецслужб отсутствуют какие-либо биографические сведения о начальнике этой контрразведки — Новицком. До последнего времени исследователям были не известны даже его имя и отчество — фамилия везде указывалась без инициалов [Греков, 1997; Кирмель, 2013; Кирмель, Хандорин, 2015; и др.].

© М.И. Вебер, 2021

Стоит отметить, что в базах данных «Офицеры русской императорской армии»¹ и «Участники Белого движения в России»² содержатся сведения биографического характера об офицере Н. Ф. Новицком. Однако составители этих баз данных не сумели идентифицировать его как начальника Контрразведывательного отделения Западной армии. Кроме того, представленные в этих базах данных биографические сведения о Новицком содержат ошибки: например, неверно указан год его рождения, ошибочно утверждается, что он был участником Гражданской войны на Юге России и т. д. Данная публикация нацелена на то, чтобы выявить такого рода ошибки и хотя бы отчасти восполнить имеющийся в историографии пробел.

Николай Феофанович Новицкий родился 9 мая 1892 г. в семье мещан Херсонской губернии³. В гимназию или реальное училище будущий начальник контрразведки Западной армии не попал, но получил домашнее образование, достаточное для поступления в военно-учебное заведение. В 1912 г., выдержав вступительные экзамены, он поступил в Одесское военное училище, которое окончил по первому разряду летом 1914 г. — накануне Первой мировой войны⁴. 12 июля 1914 г. Новицкому был присвоен чин подпоручика со старшинством с 6 августа 1913 г.

---

¹ База данных «Офицеры русской императорской армии» [Электронный ресурс]. URL: https://www.ria1914.info/index.php/Новицкий_Николай_Феофанович (дата обращения 01.10.2021).

² База данных «Участники Белого движения в России» [Электронный ресурс]. URL: http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_13-N.pdf (дата обращения 01.10.2021).

³ Список по старшинству в чинах генералам, штаб и обер-офицерам и классным чиновникам 37-го пехотного Екатеринбургского полка к 01.01.1916 [Электронный ресурс]. URL: <https://gwar.mil.ru/documents/view/88002962> (дата обращения 01.10.2021).

⁴ Там же.

Практически всю Первую мировую войну Новицкий провел в рядах 37-го Екатеринбургского пехотного полка. Полк входил в состав 1-й бригады 10-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса. В мирное время 37-й Екатеринбургский пехотный полк дислоцировался в Нижнем Новгороде. После начала войны полк был отправлен на фронт, оказавшись в Галиции, на направлении главного удара русской армии.

Обладавший славными боевыми традициями и бывший на хорошем счету у военного командования, 37-й Екатеринбургский пехотный полк в годы Первой мировой войны принял участие в большинстве крупных наступательных операций русской армии. В августе 1914 г. полк принял участие в Галицийской операции Юго-Западного фронта, осенью — в Варшавско-Ивангородской операции и Лодзинской операции в составе войск Северо-Западного фронта [Шапошников, 1995]. В августе–сентябре 1915 г. полк в составе войск Западного фронта участвовал в оборонительной Виленской операции и ликвидации Свенцянского прорыва немцев. В марте 1916 г. 37-й Екатеринбургский пехотный полк участвовал в Нарочской операции Западного фронта, летом и осенью того же года — в Брусиловском наступлении в составе войск Юго-Западного фронта. В июне 1917 г. полк принял участие в наступлении Керенского в Галиции — последней стратегической наступательной операции русской армии.

Во время службы в 37-м Екатеринбургском пехотном полку Новицкий был трижды ранен⁵. В ночь с 14 на 15 ноября 1914 г. он получил ранение во время атаки на занятые немцами деревни Липка и Несулков — этот бой был частью Лодзинской операции. В журнале военных действий 37-го Екатеринбургского пехотного полка этот бой описан следующим образом: «Высланная вперед на левый

---

⁵ Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital2197401/ (дата обращения 01.10.2021).

берег р. Мрожица пешая разведка выяснила, что между д.д. Несулков и Липка есть окопы, занятые мелкими частями противника. Деревни Липка и Несулков горели и на улицах, равно и в домах никого не было видно. За каменной оградой костела обнаружено было несколько пулеметов, причем пулеметы предполагались и в других каменных строениях. На основании этих сведений решено было обстрелять деревню горной артиллерией с целью разрушить каменные стены и постройки, а затем приступить к атаке. После окончания артиллерийской подготовки в 4 час. ночи началось общее наступление. 3-й батальон перешел мост у костела д. Липки, а 4-й — речку вброд севернее д. Несулков. Затем батальоны, развернув правым плечом, подошли к окопам противника с левого фланга. Резерв 1[-й] и 2[-й] батальоны шли уступом сзади 4[-го] батальона. Благодаря светлой, лунной ночи и круговым пожарам, противник скоро заметил наступление и осыпал роты боевой линии сильным ружейным и пулеметным огнем. Батальоны быстро достигли неприятельских окопов и бросились в штыки. Штыковым боем овладели окопами, противник бежал, оставив до 70 трупов и много раненых. Роты заняли противоположную окраину деревень и на ней укрепились»⁶. В этом бою погибли три офицера и 11 солдат полка, еще три офицера и 98 солдат были ранены, 49 солдат пропали без вести.

В ночь с 14 на 15 марта 1916 г. подпоручик Н. Ф. Новицкий, командуя 8-й ротой полка, был ранен в бою с немцами у деревень Близники и Мокрица — в ходе печально знаменитого наступления русской армии у озера Нарочь. В журнале военных действий 37-го Екатеринбургского пехотного полка этот бой был описан так: «В 3 часа [ночи], развернув боевой порядок, батальоны двинулись в атаку и, пройдя

---

⁶ Журнал военных действий 37-го пехотного Екатеринбургского полка с 17 июля 1914 г. по 1 февраля 1915 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://gwar.mil.ru/documents/view/?id=51525524> (дата обращения 01.10.2021).

окопы Кольванцев⁷, были встречены губительным огнем немцев. Видя наступающие части, не останавливающиеся, несмотря на урон, немцы открыли по площади, на которой развернулся полк, страшный огонь тяжелыми батареями. Увлекаемые примером бесстрашия своих офицеров, роты все же шли вперед, стараясь возможно скорее выйти из сферы губительного огня. Невзирая на потери от пулеметного и ружейного огня, а также и от огня очень точно пристрелянных бомбометов и минометов, в большом количестве имевшихся на позиции противника, роты шли вперед, но, встретив неразрушенные проволочные заграждения, не могли их преодолеть и вынуждены были, понеся большие потери, отойти»⁸. В этом бою погибли один офицер и 10 солдат полка, четыре офицера и 141 солдат получили ранения, три офицера были контужены, один офицер и 148 солдат пропали без вести. Новицкий, несмотря на полученное ранение, остался в строю.

7 июля 1917 г. Н. Ф. Новицкий получил ранение у дер. Хоробрув — во время контрнаступления противника после успешно начавшегося летнего наступления русской армии в Галиции. Стоит отметить, что к этому моменту под влиянием большевистской агитации в частях русской армии началось разложение. Эти процессы затронули и полк, в котором служил Новицкий. Уже 1 июля 1917 г. в журнале военных действий 37-го Екатеринбургского пехотного полка была отмечена деморализация солдат полка: «Дождь, холодный ветер, вредная агитация со стороны солдат Л[ейб]-гв[ардии] Павловского полка, все это вместе взятое сняло наступательный порыв»⁹. В ночь

---

⁷ Имеется в виду 40-й Кольванский пехотный полк русской армии.

⁸ Журнал военных действий 37-го пехотного Екатеринбургского полка с 1 марта по 1 мая 1916 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://gwar.mil.ru/documents/view/?id=51525456> (дата обращения 01.10.2021).

⁹ Журнал военных действий 37-го пехотного Екатеринбургского полка с 1 июля по 29 августа 1917 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://gwar.mil.ru/documents/view/?id=51525436> (дата обращения 01.10.2021).

со 2 на 3 июля 1917 г. полк был выведен в дивизионный резерв, но отдых не помог поднять боевой дух: «Дождь перестал, но уже прежнее настроение не вернулось. О наступлении говорили отрицательно, ссылаясь на то, что не стоит гибнуть, когда нечего ожидать поддержки от других. Стали появляться большевики, которые нашли себе быстро последователей и сильную поддержку со стороны темной массы людей полка. Дисциплина окончательно пала и появилось нескрываемое враждебное отношение к офицерству»¹⁰.

7 июля 1917 г. 37-й Екатеринбургский пехотный полк начал отходить из дер. Хоробрув на заранее укрепленные позиции в тылу, у д. Таурув, прикрывая при этом отход других частей 5-го корпуса 11-й армии Юго-Западного фронта. Из-за деморализации солдат планомерное отступление перешло в бегство. В журнале военных действий 37-го Екатеринбургского пехотного полка эти события были описаны следующим образом: «С утра начала отходить артиллерия, спокойно, не спеша. Обстановка изменилась и в исполнение словесного приказа начст[аба] 10 в помощь 1-му батальону был выслан 2-й батальон. В 14 часов начали отходить пехотные части, занимающие первую оборонительную полосу. Полку было по телефону приказано отходить по отходе 40[-го] Колыванского полка. После отхода Колыванцев полк начал отходить по дороге на д. Глина-Таурув. Отступление, начавшееся в порядке, понемногу перешло в беспорядочное. Солдаты уходили толпами и никакие приказания офицеров не исполнялись. Все поля были покрыты в беспорядке отходящей пехотой. Когда толпа отходящих подходила к мосту через р. Гнилая Липа, кто-то крикнул „Кавалерия“ и все бросились бежать в беспорядке. Офицеры призывали, уговаривали, молили остановиться, но вся эта масса, состоящая из солдат многих дивизий, устремилась

---

¹⁰ Журнал военных действий 37-го пехотного Екатеринбургского полка с 1 июля по 29 августа 1917 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://gwar.mil.ru/documents/view/?id=51525436> (дата обращения 01.10.2021).

на мост. На мосту началась давка. Бросались скатки, винтовки, патроны, сапоги, фуражки и даже гимнастерки. Удалось остановить только маленькую горсточку людей, состоящих из всех рот и притом многих полков. Командиру 10[-й] роты шт[абс]-кап[итану Мечиславу Алозиевичу] Русецкому только потому и удалось остановить остатки людей своей роты (первой роты, которая раньше всех опомнилась), что он положил людей и приказал зарядить винтовки. По переходе через мост начали разбираться по полкам и пошли более или менее в порядке»¹¹. В этой суতোлке и получил ранение Новицкий.

За бои 1914 г. Н. Ф. Новицкий был награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «за храбрость», орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (Высочайший приказ от 9 июля 1915 г.)¹². Боевые заслуги Николая Новицкого за кампанию 1915 г. были отмечены орденом Св. Анны 2-й степени с мечами (Высочайший приказ от 9 июня 1915 г.), орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (Высочайший приказ от 9 июня 1915 г.) и орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами (Высочайший приказ от 1 августа 1916 г.).

9 июня 1917 г. Н. Ф. Новицкий был награжден Георгиевским оружием за то, что «в ночь с 7 на 8 марта 1916 г. при атаке сильно укрепленной позиции на участке юго-западнее оз. Нарочь, командуя 8[-й] ротой, под сильным артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем атаковал в штыки участок вправо от рот 3[-го] батальона, выбил

---

¹¹ Журнал военных действий 37-го пехотного Екатеринбургского полка с 1 июля 1917 г. по 29 августа 1917 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://gwar.mil.ru/documents/view/?id=51525436> (дата обращения 01.10.2021).

¹² Список по старшинству в чинах генералам, штаб и обер-офицерам и классным чиновникам 37-го пехотного Екатеринбургского полка к 01.01.1916 [Электронный ресурс]. URL: <https://gwar.mil.ru/documents/view/88002962> (дата обращения 01.10.2021).

немцев из окопов и ходов сообщения, захватил германский пулемет и обеспечил этим правый фланг общего наступления полка»¹³.

11 мая 1915 г. Николай Новицкий был назначен начальником команды связи 37-го Екатеринбургского пехотного полка. В 1916 г. Н. Ф. Новицкий командовал 8-й ротой полка. В 1917 г. он уже командир 3-го батальона 37-го пехотного Екатеринбургского полка. Таким образом, за три года войны Новицкий прошел путь от младшего офицера полка до комбата. Рост в званиях сопровождался повышением в чинах. 27 апреля 1916 г. Н. Ф. Новицкий был произведен в поручики, 23 июня 1917 г. — получил чин капитана со старшинством с 2 февраля 1917 года¹⁴.

Закономерным итогом блестящего послужного списка Николая Новицкого стало откомандирование этого офицера на учебу в элитное военно-учебное заведение, готовившее командные кадры для русской армии. В октябре 1917 г. капитан Н. Ф. Новицкий был направлен на ускоренные курсы (3-й очереди) Николаевской академии Генерального штаба, где его и застала Октябрьская революция и последовавшая за ней гражданская война. Стоит отметить, что учился в академии Новицкий прилежно. Подготовительный курс академии он окончил со средним баллом 10,5 (из 12 возможных), что соответствовало оценке «весьма хорошо» [Ганин, 2009. С. 515].

Летом 1918 г. Н. Ф. Новицкий вместе с большинством преподавателей и курсантов Николаевской академии Генерального штаба перешел на сторону белых и принял активное участие в Гражданской войне на Восточном фронте.

---

¹³ Приказ Временного правительства армии и флоту о чинах военных от 09.06.1917 [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_nagrazhdenie50000199/ (дата обращения 01.10.2021).

¹⁴ Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital2197401/ (дата обращения 01.10.2021).

В ноябре 1918 г. Н. Ф. Новицкий служил в штабе 5-го Приамурского отдельного корпуса Сибирской армии [Там же]. Корпус формировался в Забайкалье — основой для его формирования послужил Особый Маньчжурский отряд атамана Г. М. Семенова. Последний был назначен командиром корпуса. Не секрет, что многим патристически настроенным офицерам претили семеновские порядки и разгул атаманщины, а также перспектива просидеть всю гражданскую войну в этом медвежьем углу, поэтому они при первой возможности стремились уехать из Забайкалья на Урал, где проходила линия фронта и шли основные бои с красными.

В декабре 1918 г. капитан Н. Ф. Новицкий был назначен начальником контрразведки штаба Западной армии, сменив на этом посту капитана Владимира Артуровича Гирша, своего сокурсника в Николаевской академии Генерального штаба, и переехал из Читы в Челябинск.

Бывший подчиненный Новицкого, военный следователь Вениамин Михайлович Горский, арестованный ОГПУ в 1927 г., на допросе дал подробную характеристику работы Новицкого во главе Контрразведывательного отделения штаба Западной (в июле 1919 г. переименованной в 3-ю) армии, показав, в частности, что «При Гирше работа к[онтр]р[азведки] была слабее и много хозяйственных дел передавалось в следственные комиссии и военный суд при штабе армии, а расстрелов было немного, с приездом Новицкого работа пошла по-иному и с первых же дней все обновилось и террор усилился. Начальник разведки ведал секретной агентурой, руководил оперативной работой агентов и офицеров, иногда брал на помощь и штабных офицеров 3-й армии и Уголовный розыск. Помощник начальника выполнял ответственные поручения, ведал личным составом, руководил операциями и строевой частью. Следователи выполняли всю следственную работу. Офицеры производили совместно с агентами обыски, аресты и приводили в исполнение приговоры без судов. Было так, что расстреливали самостоятельно по распоряжению начальника Новицкого, который такие способы практиковал. При нем все следственные

дела регистрировались по реестру только с его разрешения, и некоторые он регистрировать не разрешал и брал их себе, после чего они исчезали, очевидно, вместе с арестованными. Следственная работа к[онтр]р[азведки] после ареста: арестованный с материалами обыска направлялся начальнику Новицкому, он с ним предварительно беседовал, допрашивал, но не записывал, а затем передавал вместе с материалами на допросы одному из нас, следователей»¹⁵.

Кроме внедренной Новицким практики внесудебных расстрелов, В. М. Горский отметил и его личное участие в пытках арестованных большевиков: «Допрашиваемые обвиняемые просили занести в протоколы о том, что признания у них взяты побоями в Уголовном розыске при участии Новицкого, и это было видно, т. к. у многих обвиняемых были синяки, а некоторые были очень измучены, но полностью фиксировать их заявлений было нельзя, т. к. Новицкий все протоколы читал, а потому ограничивались только словами признание „вынуждено“»¹⁶.

Самым значительным успехом оперативной работы Контрразведывательного отделения штаба Западной армии стало выявление и ликвидация в марте 1919 г. большевистского подполья в г. Челябинске. Большой вклад в успех этой операции внес начальник отделения — капитан Н. Ф. Новицкий. Согласно свидетельству В. М. Горского, Новицкий лично завербовал одного из арестованных подпольщиков, Н. Г. Образцова, и уговорил его предать своих товарищей, что привело к раскрытию всей подпольной сети большевиков в Челябинске¹⁷.

---

¹⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 34. Д. 771. Л. 4–5. Кроме того, данный документ опубликован в блоге «Дневник коменданта Чевенгурского уезда» [Электронный ресурс]. URL: <https://voencomuezd.livejournal.com/1696030.html> (дата обращения 01.10.2021).

¹⁶ Там же. Л. 7.

¹⁷ Там же. Л. 6.

Наряду с оперативной работой по выявлению большевистских шпионов и агитаторов важной составляющей служебных обязанностей контрразведки штаба Западной (3-й) армии была осведомительная деятельность. Относительно полное представление об этом аспекте деятельности Н. Ф. Новицкого позволяют составить информационные сводки Контрразведывательного отделения штаба Западной (3-й) армии о настроении войск и населения в прифронтовой полосе и тыловых районах армии [Фронт и тыл, 2019. С. 18–148]. Эти сводки предназначались для информирования высшего военного командования и политического руководства о фактическом состоянии частей армии и реальном положении дел на местах. Сводки составлялись Новицким на основе сведений, поступавших из воинских частей и от агентуры.

Работа Н. Ф. Новицкого во главе контрразведки Западной (3-й) армии положительно оценивалась вышестоящим начальством. Кадровые перестановки на постах командующего Западной (3-й) армией и начальника штаба армии, происходившие на протяжении 1919 г., не повлекли за собой замену начальника Контрразведывательного отделения штаба армии. Во второй половине 1919 г. он был произведен в подполковники, в начале 1920 г. — в полковники.

Как удалось установить, Контрразведывательное отделение штаба 3-й армии функционировало вплоть до Красноярской катастрофы. Последние по дате составления документы за подписью Новицкого, выявленные в архивах, датируются декабрем 1919 г. [Там же. С. 144–148]. Как вспоминал впоследствии В. М. Горский, «Перед Красноярском нашу к[онтр]р[азведку] мы встретили уже на лошадях, на обозе, следовавшей вглубь Сибири»¹⁸.

Николай Феофанович Новицкий сумел избежать пленения Красной армией под Красноярском и, испытав на себе все тяготы Си-

---

¹⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 34. Д. 771. Л. 9.

бирского Ледяного похода, весной 1920 г. оказался в Забайкалье, на территории, контролируемой атаманом Семеновым. Приказом главнокомандующего войсками Российской восточной окраины № 261 от 2 апреля 1920 г. он был причислен к Генеральному штабу [Ганин, 2009. С. 294]. По имеющимся сведениям, после окончания Гражданской войны Н. Ф. Новицкий эмигрировал в Германию¹⁹. Дальнейшая его судьба нуждается в дополнительных исследованиях.

Литература и источники

Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: справочные материалы. М.: Русский путь, 2009. 895 с.

Греков Н. В. Контрразведка и органы государственной охраны белого движения Сибири (1918–1919 гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1997. № 5. С. 209–221.

Кирмель Н. С. Спецслужбы Белого движения. 1918–1922: Контрразведка. М.: Вече, 2013. 320 с.

Кирмель Н. С., Хандорин В. Г. Карающий меч адмирала Колчака. М.: Вече, 2015. 320 с.

Фронт и тыл колчаковской армии в документах разведки и контрразведки (июнь 1919 — март 1920 г.): сб. док. / сост. М. И. Вебер. Екатеринбург: УрО РАН, 2019. 272 с.

Шапошников Г. Н. 37-й Екатеринбургский пехотный полк. 1796–1918 гг. // Исторические чтения «Великий подвиг народа», посвященные 50-летию Победы в Великой Отечественной войне: тезисы докладов (Сургут, 5–6 мая 1995 г.). Екатеринбург: НПМП «Волот», 1995. С. 78–80.

---

¹⁹ База данных «Участники Белого движения в России» [Электронный ресурс]. URL: http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_13-N.pdf (дата обращения 01.10.2021).

Кирилл Александрович Конев

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет
634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36
✉ kk.tsu@yandex.ru*

DOI 10.25205/978-5-4437-1280-2-82-88

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА АНТАНТЫ И США
В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ И АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЙ
ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (1918–1920 ГГ.):
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ***

В период Первой мировой войны в европейских государствах был выработан комплекс мер, направленных на обеспечение мобилизации населения и контроль за настроениями в обществе. В России, охваченной революционными потрясениями, боровшиеся за власть группировки также стремились воздействовать на население с помощью информации. Интервенция держав-участниц мировой войны, приведшая к эскалации гражданской войны в России, также повлияла на процессы политической коммуникации. Включение иностранцев в информационный обмен вело к интенсификации и усложнению его содержания.

Бывшие союзники России по мировой войне, поддержавшие антибольшевистские силы, приобретали статус враждебного или дружественного Другого для сторон конфликта, что делало их образ зна-

---

* Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 20-78-00094 «Иностранные интервенты как „значимый Другой“ в политических нарративах участников Гражданской войны на востоке России (1918–1920 гг.)»

© К. А. Конев, 2021

чимым элементом коммуникации. Тем самым приобретают актуальность задачи выявить и сравнить ключевые приемы конструирования образов Антанты и США, присущие большевикам и их противникам, в контексте их информационной и пропагандистской деятельности. Представляется, что это позволит через анализ дискурсов реконструировать ценности и идеи, на основе которых происходила самоидентификация белых и красных на фоне враждебного или дружественного Другого.

Основным источником для данного исследования послужили материалы периодической печати, выпускавшейся на востоке России в 1918–1920 гг. Газеты и журналы, в данный период являвшиеся основным средством передачи новостной информации, являлись важными площадками для конструирования идей и смыслов, организуя вокруг себя читательские сообщества.

В настоящее время при анализе методов воздействия средств массовой коммуникации на аудиторию зарубежные и отечественные специалисты все большее внимание уделяют фреймингу. У. Гамсон и А. Модильяни рассматривают фрейм как центральную организующую идею, позволяющую осмыслять события и подсказывающую, о чем идет речь [Gamson, Modigliani, 1989. P. 86]. По мнению Р. Энтмана, фреймы служат для интерпретации проблемной ситуации или актора и (явной или скрытой) поддержки желаемого ответа, часто вкуче с моральным суждением, обеспечивающим эмоциональный заряд [Wahl-Jorgensen, 2009. P. 177]. В коммуникации, осуществляемой большевиками и их противниками с помощью периодической печати, и представлявшей собой поток текстов различных жанров, включавших факты, оценки и мнения, можно выделить фреймы, в рамках которых формировалось отношение к Антанте и США.

Б. Ван Горп, предложивший понятие «фрейм-набора» при исследовании медиафреймов в культурном контексте, определяет три связанных механизма, посредством которых и создаются транслируемые фреймы. Первый — явные приемы фрейминга: метафоры, образы

и описания. Второй — очевидные и скрытые механизмы аргументации. Третий — скрытый культурный феномен, помещающий рассматриваемый объект в пространство распространенных в данном обществе мифов, ценностей и культурных архетипов [Van Gorp, 2007. P. 64].

Опираясь на данный подход рассмотрим особенности формирования образов Антанты и США в фреймах, транслируемых большевиками и их противниками — Временным Сибирским, Временным Всероссийским и Российским правительством адмирала А. В. Колчака.

Сообщения большевистских газет встраивали образ бывших союзников в фрейм, идея которого может быть выражена так: «Революция — борьба за светлое и справедливое будущее, для его достижения необходимо победить эксплуататоров — империалистов стран Антанты и США, мешающих этому». Фрейм, по сути, воспроизводил сюжет волшебной сказки о борьбе героя (трудящиеся) против чудовища/злодея (империалисты) и возвращении похищенных им чудесных предметов (свобода, справедливость).

Используемые при этом явные приемы фрейминга способствовали формированию соответствующего негативного образа государств Антанты и США. Характеристики их внешней политики подчеркивали ее «империалистическую» сущность, нацеленность на подавление русской революции. Для формирования эмоционально окрашенного образа врага в лице капиталистов «всех мастей» большевики не скупились на языковые приемы. Указывая на «хищническую» политику Западных стран, красные активно применяли соответствующие сравнения. Правящие круги и капиталисты Антанты и США характеризовались как «акулы», «волки», «гиены», «гидра», «чудовище». Описательные характеристики дополнялись визуальными с помощью газетных карикатур и плакатов, где зарубежные противники представляли как в стереотипном образе «буржуя», так и зооморфных или инфернальных обличиях. Дегуманизация «союзников» достигалась также с помощью гиперболизации, эпитетов, подчеркивавших хитрость, лживость или жестокость отдельных лидеров Западных стран

и проводимой ими политики. Ирония и сарказм позволяли большевикам задать определенный характер восприятия. Так, понятия «доблестные», «свободолюбивые союзники» использовались с целью насмешки над политикой интервентов.

Приемы аргументации для создания фрейма предполагали опору на марксистские идеи, которые дополнялись и артикулировались лидерами большевиков и транслировались через прессу. Враждебность империалистов Антанты и США по отношению к революции объяснялась через призму классовых интересов акторов. Вся разворачивающаяся борьба между Россией под руководством большевиков, и ее многочисленными противниками в лице внутренней контрреволюции и поддерживающими ее зарубежными капиталистами, подавалась как борьба сил, выражающих интересы двух классов — эксплуатируемых и эксплуататоров. Классовая сущность конфликта при этом позволяла большевикам рассматривать бывших союзников двояко, отделяя пролетариат Западных стран от буржуазии и позиционируя его как настоящего союзника российских рабочих и крестьян. В то же время взгляд на иностранцев через призму классовой борьбы позволял большевикам говорить о наличии острых противоречий между Англией, Францией, США и Японией, которые победив в войне с германцами, не ликвидировали угрозу новых войн.

При конструировании фрейма большевики также опирались на соответствующий культурный контекст. Обращаясь к малограмотным крестьянам, солдатам и рабочим, слабо разбиравшимся в тонкостях политики и международных отношений, большевики вынуждены были использовать понятные объяснения. Простой и образный язык описания вкупе с классовой интерпретацией позволял позиционировать текущий конфликт как борьбу за долгожданный мир, прекращение эксплуатации, справедливое распределение благ. Это во многом соответствовало ожиданиями значительной части населения страны. Врагам в лице Антанты и США приписывались понятные и простые мотивации: ограбление России, восстановление монархии и власти

«капиталистов, помещиков и генералов». В то же время большевики опирались на распространенный среди русской интеллигенции стереотип о «передовых» и «развитых» Западных странах для актуализации проблемы революции в Европе, где ведущую роль должен был сыграть пролетариат, имеющий многолетний опыт борьбы. Визуальные образы и словесные конструкции могли апеллировать к архетипам или культурным корням. Так, не случайны изображения империализма в виде драконов, чудовищ и аллегорий смерти, с которыми могли бороться красноармеец или лично Л. Д. Троцкий в образе богатыря или Георгия Победоносца.

Иную картину представляет фрейм, создававшийся противниками большевиков на востоке страны в ходе коммуникации, осуществляемой с помощью официальной прессы. Ключевая его идея: «Антибольшевистские силы ведут борьбу за возрождение России, проданной большевиками немцам, а Антанта и США готовы прийти на помощь своей союзнице». Фрейм, в сущности, также воспроизводил типичный сказочный сюжет о борьбе героя (белые) со злом («германо-большевики»), однако союзники в данном случае играли роль помощника.

Явные приемы фрейминга подразумевали подчеркивание стремления союзников оказать всевозможную поддержку антибольшевистскому движению. На уровне метафорического конструирования применялись конструкции, подчеркивавшие «бескорыстность», «благородство», «доблесть» союзников России, не оставивших ее в трудный момент. Официальная пресса указывала на «демократизм» стран союзной коалиции, их приверженность «справедливости», «праву» и «свободе» в отличие от противопоставляемых им германцев и большевиков. Оказание помощи России трактовалось как «спасение», возрождение боевого товарищества, а сами союзники — как «братья по оружию», «доктора», «наставники» для русских. Несмотря на идеализацию, антибольшевистские идеологи, отмечали наличие у союзников собственных интересов, не совпадавших с интересами белого движения. В прессе могли появляться характери-

стики, указывавшие на запутанность их политики, «расчетливость», «осторожность», «нерешительность».

Скрытые и явные приемы аргументации в рамках формирования фрейма включали объяснительную модель, обосновывавшую необходимость интервенции союзников в Россию. Белые, рассматривавшие Брестский мир как предательство большевиков, считали гражданскую войну продолжением мировой. Действия Советской власти мыслились как «разрушение», «поругание» России, а антибольшевистских сил — как ее «возрождение». Вмешательство союзников, в данном случае выглядело логичным шагом, совместной борьбой с общим врагом — «германо-большевиками». После окончания мировой войны в ноябре 1918 г. большевики, стремившиеся к мировой революции, были объявлены «врагами цивилизации», что также служило основанием для вмешательства Антанты и США в российские события. Аргументом в пользу интервенции служил также образ союзников как «должника» России, которая ценой больших потерь спасла Францию от немецкого наступления в 1914 г. Актуализация данного эпизода позволяла белым рассчитывать на поддержку в качестве уплаты долга за эту «жертву» России.

Описанные события вписывались антибольшевистскими идеологами и журналистами в актуальные для них культурные контексты. Мировая война, революция и гражданская война характеризовались как столкновение сил «демократии и авторитаризма», «культуры и варварства», «силы права и права силы». Конфликт, потрясший основы Западной цивилизации, приобретал в газетных описаниях апокалиптический характер. Авторы публикаций при описании проживаемых событий апеллировали к религиозным образам или сравнивали состояние страны с болезнью и сумасшествием. Оценки трагических событий сопровождались активным поиском их причин, одной из которых виделась отсталость России. В связи с этим происходила актуализация целого ряда стереотипных представлений о «передовых» странах Европы, бытовавших среди отечественной

интеллигенции. Англия, Франция и США упоминались в качестве образцов «патриотизма», «гражданственности», «законопослушности», «предприимчивости», которым «государственно-мыслящая печать» призывала учиться русское общество.

Рассмотрение «фрейм-наборов», применявшихся белыми и красными при конструировании обозначенных фреймов, показывает, что они основывались на архетипических сюжетах о борьбе героя со злом за обладание некой ценностью. Объяснительные модели задавали различия в репрезентации причин событий и характеристик участников. Особенности помещения в культурный контекст, отбор фактов и выбор языковых средств диктовались уже заданной моделью описания ситуации. При этом могли использоваться одни и те же стереотипы и характеристики (например, стереотип о передовых странах Запада или само слово «союзники»), которые в зависимости от фрейма приобретали нужное значение и эмоциональный заряд. Для красных и белых страны Антанты и США являлись значимым Другим, образ которого будучи вписанным в тот или иной фрейм, позволял конструировать и транслировать ценности и руководящие установки для формирования «мы-группы» и определения ее действий. В одном случае борцы с «эксплуатацией» противопоставлялись «империалистам», в другом — «патриоты», стремившиеся к «возрождению России» искали поддержки у своих «доблестных союзников».

Литература и источники

Gamson W.A., Modigliani A. Media Discourse and Public Opinion on Nuclear Power: A Constructionist Approach // American Journal of Sociology. 1989. Vol. 95. № 1. P. 1–37.

The handbook of journalism studies / [Edited] by K. Wahl-Jorgensen, T. Hanitzsch. New-York, 2009. 446 p.

Van Gorp B. The Constructionist Approach to Framing: Bringing Culture Back In // Journal of Communication. 2007. Vol. 57. № 1. P. 60–78.

Дарья Леонидовна Шереметьева

Институт истории СО РАН
630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
✉ dalas83@yandex.ru

DOI 10.25205/978-5-4437-1280-2-89-95

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ НОВНИКОЛАЕВСКИХ ГОРОДСКИХ ВЫБОРОВ В ИЮНЕ 1919 ГОДА *

Новониколаевск вошел в историю Гражданской войны в России как один из первых городов, где произошло свержение Советской власти. По сибирским масштабам того времени город располагал большими демографическими и экономическими ресурсами. Поэтому сменявшие друг друга антибольшевистские политические режимы на востоке страны неизменно рассматривали Новониколаевск как один из своих ключевых опорных пунктов.

Антибольшевистские правительства в Сибири — Временное Сибирское правительство, Временное Всероссийское правительство и Российское правительство во главе с Верховным правителем адмиралом А. В. Колчаком — последовательно декларировали приверженность демократическим ценностям и использовали демократические институты для упрочения власти. На местах они большое значение

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Новосибирской области в рамках научного проекта № 20-49-540006.

The research was funded by RFBR and the Novosibirsk region, project number 20-49-540006.

© Д. Л. Шереметьева, 2021

придавали органам самоуправления, которые формировались на основе прямых, равных, тайных и конкурентных выборов. Очередные городские выборы в 1919 г. стали одним из важнейших маркеров политической коммуникации городского населения и его отношения к действовавшей власти.

Городская дума Новониколаевска, избранная в ноябре 1917 г. и работавшая всего около месяца до роспуска большевиками, возобновила свои заседания в июне 1918 г. В ее составе осталось три фракции: эсеры, меньшевики и домовладельцы. Социалистов было большинство, но без домовладельцев они не могли обеспечить кворум. Поэтому политическая борьба внутри самоуправления являлась неотъемлемой составляющей его деятельности.

Расклад общественно-политических сил вокруг думы был не в пользу социалистов. Местные эсеры и меньшевики не смогли восстановить партийные организации и развернуть работу среди населения. Противники социалистов, партия народной свободы, Союз домовладельцев, Биржевой комитет и Союз мелких торговцев и промышленников, напротив, сумели объединиться и образовать Союз защиты родины. Член этого союза А.И. Зверев учредил частную, многотиражную, политическую, экономическую и литературную газету «Русская речь». Издание систематически дискредитировало Новониколаевскую городскую управу, разоблачая ее членов-социалистов в безграмотной и даже преступной хозяйственной деятельности.

Политическое поведение основной массы горожан Новониколаевска внешне выглядело пассивным. Уставшие от революционной стихии, запуганные репрессивной политикой большевиков, а затем милитаризацией новой власти жители не были уверены в завтрашнем дне, избегали активного политического участия и ограничивались коммуникацией на бытовом уровне.

В такой обстановке Новониколаевская городская дума признала проблемы своей легитимности и начала подготовку к выборам осе-

ную 1918 г. Однако городская управа затянула этот процесс почти на год. В итоге выборы были назначены только на 29 июня 1919 г.

Накануне выборов в городе провели специальную перепись населения, по результатам которой было зарегистрировано 24 386 избирателей. По сравнению с городскими выборами ноября 1917 г., когда право голоса имели около 34 тыс. горожан, электорат сократился почти на треть. Если учесть, что общая численность населения Новониколаевска с тех пор увеличилась приблизительно на 50 тыс. человек, то доля избирателей существенно уменьшилась. Новые электоральные барьеры — лишение избирательного права военных и годичный ценз оседлости — отсекали от участия в выборах переполюнявших город военнотружущих и беженцев. С одной стороны, это было справедливо по отношению к укорененным жителям. С другой стороны, такая политика снизила «плотность электоральных связей» и базовый интерес населения к выборам.

Кандидатов в думу могла выдвигать любая инициативная группа или организация. Первым на выборы был заявлен «Список деловой и внепартийный от Союза домовладельцев, церковно-приходских советов и мусульман». Лидеры блока задолго до выборов организовали комиссию по их подготовке, дважды проводили коллективное обсуждение кандидатов и, наконец, торжественно представили список на собрании Союза домовладельцев. Блок был готов заполнить все места в будущей думе¹.

Кандидаты Делового списка были домовладельцами, прочно связанными с Новониколаевском хозяйственной и профессиональной деятельностью. Больше половины из них являлись представителями крупного и среднего предпринимательства. Будучи выходцами из разных сословий — купечества, мещанства и крестьянства — они приехали в молодой, стремительно развивавшийся Новониколаевск

---

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 313. Л. 106-107.

в начале XX в. и состоялись здесь благодаря деловой хватке и инициативности. Почти половина кандидатов Делового списка имели опыт успешного избрания и работы гласными Новониколаевского самоуправления. Революции и Гражданская война подорвали высокий социальный статус и материальное благополучие этих людей. Они испытывали острую жажду реванша и были решительно настроены на участие и победу в выборах.

В политическом плане Деловой список самоопределялся как «беспартийный». В действительности его кандидаты представляли «правый» политический спектр, — от ярко выраженных монархических до праволиберальных взглядов.

В противовес Деловому списку и значительно позднее образовался Демократический предвыборный блок. Социал-демократы, эсеры, Союз квартиронанимателей, Союз торгово-промышленных и кооперативных служащих, Союз железнодорожных служащих и рабочих и Союз служащих местного самоуправления — вынуждены были объединиться. К тому времени партии и профсоюзы в публичной сфере Новониколаевска фигурировали мало и не имели ярко выраженных лидеров. Список кандидатов в гласные этот блок составлял кулуарно и наспех. Вынужденность, поспешность и отсутствие публичности при подготовке списка дают основания предполагать, что связи между кандидатами-демократами и избирателями были налажены плохо.

По роду занятий почти все кандидаты Демократического списка являлись служащими, работавшими во всевозможных сферах: самоуправлении, кооперации, системе образования, торговле, промышленности и на железной дороге. «Специалисты» как социальная категория представляли меньшинство населения Новониколаевска и не являлись референтной группой для большинства населения.

Политический облик Демократического списка определялся его самоназванием. Эсеров, бывших эсеров, меньшевиков и симпатизировавших социалистам беспартийных в данном случае объединили

эгалитаризм и прагматичная задача удержать самоуправление в руках социалистов. По организованности, сплоченности и подготовленности они проигрывали домовладельцам.

Деловой и Демократический списки оказались не просто конкурентами на выборах, а антиподами по социальному составу, идеологическим ориентациям и политическим позициям. Поэтому между ними развернулась острая предвыборная борьба.

Адресатами агитации Делового списка были «коренные жители, граждане, связанные с городом кровными узами и интересами своего личного благополучия и общественного положения»². Домовладельцы считали своим электоратом всех горожан без исключения. Демократический блок обращался преимущественно к бедноте, малоимущим и квартирнанимателям³.

Основной упор в предвыборной борьбе был сделан на критику оппонентов. Демократический блок использовал в предвыборной агитации стереотип о дореволюционных «цензовых» думах, якобы эксплуатировавших городское хозяйство в своих интересах и перекладывавших социальное бремя на бедных. Деловой блок в свою очередь целенаправленно и агрессивно дискредитировал социалистическую городскую управу. Ее состав оценивался как «случайный и чуждый городу», а результаты ее деятельности виделись только в разрушении городского хозяйства, разбазаривании финансов и увеличении налогов.

Центральным сюжетом предвыборной кампании стала серия скандальных статей в газете «Русская речь» под заглавием «Городская продовольственная панама». Служащий новониколаевского продовольственного отдела М. П. Гуляев написал разоблачительные тексты о спекулятивных сделках своего начальника, заведующего городским

---

² Русская речь (Новониколаевск). 1919. 6 июня.

³ Демократический список кандидатов в гласные. [Б. м., б. г.] URL: <https://vivaldi.nlr.ru/ll000072072/view> (дата обращения: 26.03.2021).

продовольственным отделом, члена городской управы и кандидата Демократического списка Л. Н. Янышева. Городская дума ответила на публичные обвинения срочной ревизией, по результатам которой заявила о неясности дела и косвенно обвинила самого М. П. Гуляева в халатном отношении к документам⁴.

Несмотря на острое соперничество, отклик рядовых избирателей был слабым. Единственное суждение о новониколаевском электорате, зафиксированное современниками накануне выборов, было таково: «Отношение населения к предстоящим выборам в городскую думу пассивное»⁵. Интерес к выборам заслоняли события Гражданской войны более крупного масштаба.

Выборы в Новониколаевскую городскую думу состоялись 29 июня 1919 г., в воскресный день, когда жители предпочитали проводить время за городом. В выборах приняли участие 5354 избирателя из 24 386 зарегистрированных, явка составила 22,0 %. Новониколаевск хорошо выглядел на фоне других городов Сибири, так как средняя явка на муниципальных выборах 1919 г. в крае составляла 17,0 %. «Громадный процент уклонившихся» современники событий объясняли усталостью горожан от политики, разочарованием в общественно-политической деятельности и низкой правовой культурой населения⁶.

Результаты голосования пресса презентовала так: за Деловой список было подано 3387 записок (72,6 %), за Демократический — 1278 (27,4 %). Во всех избирательных округах домовладельцы полу-

---

⁴ Русская речь (Новониколаевск). 1919. 27 июня.

⁵ Сибирский рассвет (Барнаул). 1919. № 8 (июнь); Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 14 июня.

⁶ Военные ведомости (Новониколаевск). 1919. 7 июня; Русская речь (Новониколаевск). 1919. 2 июля; Сибирская жизнь (Томск). 1919. 5 июля; Вестник Томской губернии. 1919. 7 июля.

чили абсолютное большинство. В том числе на окраинах города они набрали 65,8 % голосов.

По сравнению с выборами 1917 г. электорат Делового списка прирос незначительно. Хорошо организованная предвыборная кампания привлекла, как и прежде, только социально-близкие слои населения: крупных и средних предпринимателей, лиц престижных профессий, домовладельцев и членов их семей. Победа была получена за счет ослабления социалистов, которые сумели мобилизовать только около 20,0 % голосов в сравнении с 1917 годом⁷.

Распределение мандатов на выборах 1919 г. происходило по мажоритарному принципу. Поэтому в думу прошел целиком Деловой список, а получившие почти треть голосов социалисты оказались без представительства. В антибольшевистской Сибири домовладельцы, как правило, выигрывали муниципальные выборы, но результат в Новониколаевске превзошел все ожидания.

Таким образом, в ходе организации и проведения выборов в Новониколаевскую городскую думу в 1919 г. происходила интенсивная политическая коммуникация, в которую были включены различные общественно-политические группы. Основным ее содержанием была конфронтация между возглавлявшими действовавшую думу социалистами и оппозиционной им экономической верхушкой городского социума. Административные органы власти и военные почти не вмешивались в этот процесс. Основная масса населения города традиционно оставалась объектом политического воздействия. По сравнению с 1917 г. она слабее отреагировала на агитацию, но в общем контексте Гражданской войны продемонстрировала принятие демократических институтов и готовность к политическому выбору.

---

⁷ Знамя свободы (Новониколаевск). 1917. 8 ноября.

Антон Александрович Чемакин

*Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9*

✉ a.chemakin@spbu.ru

DOI 10.25205/978-5-4437-1280-2-96-103

**ВЫБОРЫ В ГОРОДСКИЕ ДУМЫ
ТЕРСКО-ДАГЕСТАНСКОГО КРАЯ (ЛЕТО — ОСЕНЬ
1919 Г.): ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА,
ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ,
ИТОГИ ГОЛОСОВАНИЯ***

В 1919 г., после занятия белыми войсками обширных территорий Юга России, перед их командованием встал вопрос о взаимоотношениях с органами местного самоуправления, которые должны были играть роль посредников между военными властями и населением. Городские думы, избранные в 1917 г., в большинстве местностей были разогнаны еще большевиками, и к тому же срок их полномочий истек 1 января 1919 г. В связи с этим главнокомандующим Вооруженными силами на Юге России А. И. Деникиным было решено организовать новые выборы, при проведении которых использовалась одна из разновидностей мажоритарной системы, а именно одобрительное голосование в многомандатных округах с неограниченным вотумом (блоковая система). Списки кандидатов выдвигали только

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-00015, <https://rscf.ru/project/21-78-00015/>.

The study was funded by the Russian Science Foundation, project № 21-78-00015, <https://rscf.ru/en/project/21-78-00015/>.

© А. А. Чемакин, 2021

избирательные объединения (партии, блоки, союзы), но при подсчете голосов они никакой роли не играли. Избиратель мог проголосовать целиком за симпатичный ему список или вычеркнуть из него тех кандидатов, которые ему не нравились. Также избирателям предоставлялась возможность составить собственную избирательную записку, включив в нее кандидатов из разных списков. Гласными становились те кандидаты, которые получали относительное большинство голосов [Журналы, 2008. С. 177–184]. Это зачастую приводило к тому, что представители одного списка, опередив кандидатов другого списка на несколько десятков голосов, могли получить абсолютное большинство мест от округа. Представители левых сил посчитали данный закон недемократичным, не дающим возможности тем социальным группам, которые оказывались в меньшинстве, получить представительство в думах. С другой стороны, закон способствовал созданию широких коалиций и препятствовал дроблению политических сил.

Терско-Дагестанский край стал первым регионом Юга России, которому довелось испытать на себе эту избирательную систему. В административном центре края — Владикавказе — местные общественные круги попытались преодолеть указанные выше недостатки закона и создали «Прогрессивно-деловой блок организаций, стоящих на платформе созыва Учредительного собрания»¹. Блок объединил почти все местные буржуазные, социалистические, профессиональные и национальные группы. За его пределами остались лишь большевики, находившиеся в подполье, и организация «Закавказская Русь», в составе которой были бывшие члены Союза русского народа². Борьба развернулась внутри блока, в особенности между его крайними флангами — домовладельцами и рабочими. Благодаря возможности вычеркивать неугодных лиц избиратели могли частично подкоррек-

---

¹ Кавказская газета. 1919. 20 сентября. № 3. С. 2.

² Местное самоуправление на Северном Кавказе (далее — МССК). 1919. 10 октября. № 14. С. 33–34.

тировать заранее согласованный расширенный список³. На участки пришло чуть больше 16 % избирателей (табл. 1), причем на долю «демократических» слоев приходилось не более 3 %, кадетов и близких к ним групп — 5 %, домовладельцев — более 8 %. В результате выборов домовладельцы провели 35 кандидатов из 36, кадеты — 14 из 17, осетинская группа — восемь из 15, союз учителей — шесть из десяти, союз конторских служащих — четверых из 11, рабочая группа — четверых из 15, союз юристов — четверых из шести, армянская группа — троих из шести, молуканская группа — троих, группа врачей — двоих, еврейская группа — одного из трех. Из троих кандидатов, стоящих вне групп и партий и рекомендованных всем блоком, избраны были двое⁴.

На выборах в Грозном также отличались значительным абсентеизмом. Конкурировали два списка — Деловой (кадетско-домовладельческий) и Демократический. В думу прошли 36 кандидатов от первого списка, один — от второго и четверо — внесенные в оба списка. Среди избранных гласных было 17 домовладельцев, 15 кадетов, пятеро близких или сочувствующих кадетам и прогрессистов, два монархиста и два правых эсера⁵.

В Пятигорске сражались два «деловых» списка — левый «Объединенный деловой список союза демократических и профессиональных организаций, стоящих на платформе широкого народоправства и полномочного Всероссийского Учредительного собрания», созданный Крестьянским союзом, эсерами, меньшевиками и народными социалистами⁶, и правый объединенный список «деловой», домовладельческой и слободской групп⁷. В первом округе при явке 13 % по-

---

³ Кавказская газета. 1919. 20 сентября. № 3. С. 1.

⁴ МССК. 1919. 10 октября. № 14. С. 33–34.

⁵ Там же. С. 36.

⁶ Терско-Дагестанский вестник (далее — ТДВ). 1919. 23 августа. № 120. С. 2.

⁷ ТДВ. 1919. 21 августа. № 118. С. 2.

бедили кандидаты правого списка, во втором при десятипроцентной явке — кандидаты левого⁸. В думу прошли от правого списка 14 домовладельцев, которые не имели четко определенного политического лица, шестеро кадетов и шестеро беспартийных, от левого — 11 членов Крестьянского союза (в том числе девять эсеров), шесть энесов и два меньшевика⁹.

Кисловодск был одним из монархических центров Юга России, именно здесь обосновались многие видные деятели крайне правого толка. В итоге правые силы, объединившиеся со слободской группой, состоявшей из мелких собственников, создали Объединенный деловой список. Против него выступил умеренный Прогрессивно-деловой список, состоявший преимущественно из представителей местной интеллигенции. Образовался он слишком поздно и агитации почти не вел. Голосование закончилось победой Объединенного делового списка, получившего 35 мест, Прогрессивному досталось пять мест. От победившего списка прошло много домовладельцев, причем большинство из них по своей политической платформе примыкало к крайним правым партиям¹⁰.

Выборы в Моздоке стали темой для шуток на всем Юге России. В прессе утверждалось, что голосование не состоялось из-за того, что на него явилось всего два человека¹¹. Однако это было журналистским преувеличением. В действительности выборы, назначенные на 8 сентября, не состоялись, потому что в городскую управу

---

⁸ Жизнь. 1919. 6 сентября. № 111. С. 3; Понедельник. 1919. 9 сентября. № 10. С. 3.

⁹ Терец. 1919. 4 сентября. № 165. С. 2.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 154; Добровolec. 1919. 25 августа. № 143. С. 2; Жизнь. 1919. 7 сентября. № 112. С. 3; Жизнь. 1919. 17 сентября. № 119. С. 4; МССК. 1919. 25 августа. № 12. С. 37; 10 октября. № 14. С. 35.

¹¹ Русская мысль. 1919. 16 сентября. № 33. С. 1.

список кандидатов представили только домовладельцы, да и тот был составлен неправильно¹². Поэт С. Я. Маршак отозвался на газетные сообщения о моздокских выборах стихотворением:

Начало выборов так близко,
Но все спокойно и мертво.
И даже выборного списка
В Моздоке нет ни одного.
Не стало групп, союзов, партий,
Тяжелый сон Моздок сковал.
А как неистово он в Марте —
Во дни свободы бушевал!..
Проснись же снова, городок — Моздок!
Какая странная загадка —
Невозмутимый твой покой...
Или тебе живется сладко
Без всякой думы городской?
Или, отдавшись попеченью,
Ты от заботливых властей
Ждешь «головы по назначенью»
За неимением своей?
Ах, что за милый городок — Моздок!

[Куценко, 1997. С. 376–377].

Голосование все же состоялось несколько недель спустя. Большинство мест получили представители домовладельцев и Деловой группы, также прошло несколько кандидатов от списка трудовой интеллигенции¹³.

---

¹² Жизнь. 1919. 17 сентября. № 119. С. 4.

¹³ Слово. 1919. 24 жовтня. № 32. С. 2.

Аналогичная ситуация сложилась и в Георгиевске, хотя внимания к ней было меньше — выборы назначили на 1 октября, но в срок они не состоялись, так как не было заявлено ни одного кандидатского списка¹⁴. Голосование было проведено, по всей видимости, во второй половине ноября.

Дагестанская область, обладавшая широкой автономией в рамках Терско-Дагестанского края, осенью 1919 г. была охвачена восстанием местного мусульманского населения. Несмотря на это, в нескольких городах, в которых русские составляли значительную часть населения, выборы все же были проведены. Так, вероятно, 22 сентября они состоялись в Дербенте и Темир-Хан-Шуре¹⁵. Согласно данным Отдела пропаганды, голосование прошло при крайнем абсентеизме избирателей и при участии 2–3 исключительно деловых списков, все гласные были «беспартийные с уклоном вправо»¹⁶. 22 сентября 1919 г. прошли выборы и в думу крупнейшего города области — Порт-Петровска. Они окончились полной победой объединенного списка общественных организаций, собравшихся вокруг группы «Русского национального возрождения». Группа эта сформировалась за два месяца до этого при участии газеты «Русская мысль» и развила бурную агитацию, ей же принадлежала руководящая роль в комиссии по выборам. В итоге объединенный список, в который вошли представители Союза служащих торговли и промышленности, Дагестанской трудовой артели, Союза учителей, Союза городских служащих, Еврейского национального совета, одержал убедительную победу и занял все 20 мест гласных¹⁷. Программа победившей «Петровской

---

¹⁴ Новая Россия. 1919. 3 октября. № 112. С. 2.

¹⁵ Кавказский край. 1919. 30 июля. № 101. С. 2; Южный рабочий. 1919. 25 августа. № 9. С. 2.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 285–285 об.

¹⁷ Там же. Л. 285.

Таблица 1

Участие населения в голосовании *

Город	Дата	Количество избирателей	Подано голосов	Явка, %
1) Грозный	25.08	6832	734	10,7
2) Пятигорск	01.09	9053	1192	13,2
3) Кисловодск	01.09	5985	1519	25,4
4) Владикавказ	22.09	16286	2651	16,3
5) Порт-Петровск	22.09	3600	500	13,9
6) Моздок	07.10	3305	406	12,3
7) Георгиевск	??..11 **	6543	784	12,0
Всего по краю		51604	7786	15,1

* Составлено по: МССК. 1919. 31 декабря. № 19–20. С. 4, 6.

** Точная дата неизвестна.

Таблица 2

Состав новоизбранных дум *

Город	Всего гласных	Левые	Умеренные	Правые	Нац. меньш.	Неизв.
1) Грозный	41	2	20	19	0	0
2) Пятигорск	45	19	6	14	0	6
3) Кисловодск	40	0	5	35	0	0
4) Владикавказ	86	8	28	35	15	0
5) Порт-Петровск	20	0	20	0	0	0
6) Моздок	31	4	0	27	0	0
7) Георгиевск	46	0	3	43	0	0
Всего по краю	309	33	82	173	15	6

* Составлено по: МССК. 1919. 31 декабря. № 19–20. С. 4, 6.

группы Российского Национального Возрождения», опубликованная в «Русской мысли», на наш взгляд, в целом напоминала кадетскую¹⁸.

Правые и умеренные общественно-политические группы, лояльные Белому движению, одержали убедительную победу (табл. 2). При этом чрезвычайно низкая явка была для белых зловещим предзнаменованием. Как отмечала пресса, избиратели реагировали на предвыборную кампанию равнодушно, говоря примерно следующее: «Пусть суетятся! Мы устали, нужно привести в порядок сначала самих себя»¹⁹. Очевидно, усталость не была единственной причиной абсентеизма. Широко распространены были неверие в прочность и долговременность белого режима и страх наказания со стороны большевиков, а часть электората левых партий сознательно бойкотировала выборы, считая деникинский избирательный закон недемократичным. Результаты выборов в Терско-Дагестанском крае наглядно показали серьезные проблемы в коммуникации между руководством Белого движения, оказавшимся неспособным привлечь избирателей на участки, и подвластным ему населением.

Литература и источники

Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России А. И. Деникине. Сентябрь 1918-го — декабрь 1919 год / под ред. С. В. Мироненко, отв. ред. и сост. Б. Ф. Додонов, сост. В. М. Осин, Л. И. Петрушева, Е. Г. Прокофьева, В. М. Хрусталева. М.: РОССПЭН, 2008. 1002 с.

Куценко И. Я. С. Я. Маршак: жизнь и творчество на Кубани. Май-коп: РИО РИПО «Адыгея», 1997. 880 с.

---

¹⁸ Русская мысль. 1919. 23 августа. № 139. С. 1.

¹⁹ Жизнь. 1919. 24 августа. № 101. С. 3.

Акбар Файзуллаевич Мажидов

*Джизакский государственный педагогический
институт имени Абдуллы Кадыри
130100, Узбекистан, г. Джизак, пр-т Ш. Рашидова, 4
✉ akbar.majidov.75@bk.ru*

DOI 10.25205/978-5-4437-1280-2-104-109

РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В УЗБЕКИСТАНЕ (1930-Е ГОДЫ)

За время независимости в исторической науке Узбекистана произошли поистине революционные изменения. Впервые за долгие годы узбекские исследователи стали изучать исторические события, которые прежде были искажены или скрыты, на основе принципов объективности, историчности, правдивости. Значительные и позитивные изменения в истории нашей страны, научная деятельность и достижения ее преданных представителей — яркое подтверждение того, что благородные намерения нашего народа начали наконец сбываться.

Из недавней истории мы знаем, что между провозглашенными Советским государством идеями «социалистического гуманизма» и реальностью существовало большое противоречие. Советское руководство не понимало сути духовной жизни такого большого региона, как Туркестан, и пыталось разрушить многовековые духовные ценности. Коммунистический режим хотел уничтожить в Туркестане ислам — религию, существовавшую в мире с начала VII в.

Ситуация особенно усугублялась репрессивным поведением властей: в стране установился и укрепился тоталитарный режим, кото-

рый попирал принципы гуманности и демократии, насильственно душил любое инакомыслие и уничтожал десятки тысяч людей. Советское руководство с 1918 г. проводило в Туркестане, а с 1924 г. до середины 1950-х гг. — в Узбекской ССР политику расслоения, репрессировав туркестанцев с такими ярлыками, как «националист», «пантюркист», «панисламист», «враг народа», «кулак» и «агент империализма» [Набиев, 1998. С. 92].

Особенно широкое распространение репрессии Советского государства против собственного народа получили в 1930-е гг. В это время в районах и селах, если руководитель получал статус «врага народа», еще от 50 до 60 человек депортировались или заключались в тюрьму в качестве его «хвоста». Поэтому репрессии потрясли общественно-политическую жизнь Узбекской ССР, вызвали постоянный страх в народе.

Карательные органы СССР и его структуры в республике сфабриковали фальшивые «дела» против множества невинных людей. В результате массовых арестов тысячи общественных, литературных и артистических деятелей, видных ученых, сельскохозяйственных и промышленных рабочих, крестьян, представителей духовенства и прочих граждан предстали перед судом и были заключены в тюрьму [Ўзбекистоннинг янги тарихи. 2-китоб. Б. 98].

Прежде всего, это было связано с тем, что политика, проводимая советским правительством с момента прихода большевиков к власти, была идеологически и практически ошибочна. Население страны, по сути, было разделено на три категории: представители первой поверили обещаниям советской власти и встали на ее сторону, представители второй — признали советскую власть, руководствуясь теми или иными своими интересами, а представители третьей — не признавали ее и отказались соглашаться с нею.

Рассмотрим, как происходили эти процессы на территории Джизакской области. Выявленные источники позволяют утверждать, что те, кто встал на сторону советской власти в своих личных интересах,

пользуясь непрочностью действовавшего режима, организовали различные саботажные акции, присваивали коллективную собственность, вели антисоветскую пропаганду среди населения и т. п. Представители советской власти в свою очередь намеренно преувеличивали масштабы содеянного и использовали ситуацию в своих целях для окончательной ликвидации своих противников, отнимая у них земельные владения и имущество. Например, газета «Колхоз галабасы» («Победа колхоза») сообщала: «...в наших колхозах на ряду хорошими руководителями, имеются руководители, которые являются сторонниками старых порядков, стихийно выступающими против существующего строя. Вся деятельность некоторых руководителей колхозов состояла из преступлений. В период выборов руководители колхозов, грабившие имущество колхоза и небрежно хранящие его имущество, не организовавшие в колхозе труд и пытавшийся его разрушить, должны быть безжалостно уволены и заменены хорошими ударниками труда. Кулаки села, входившие в колхозы, стараются не приводить на избирательные участки многих колхозников, чтобы скрыть свои намерения и интриги. Также они ищут другие пути к созданию нестабильной обстановки. Сельский актив должен найти себя опору, сплотить колхозников вокруг себя и нанести серьезный удар по движению „кулакам“ в этой сфере»¹. Под такими предложениями карательные органы и их структуры уничтожали тех, кто не поддерживал действующую власть.

Согласно архивным материалам, представители советской власти вышли за рамки идеологии, под разными предложениями называя не выполнявших свои обязанности людей «кулаками» или «врагами народа». Например, в другой газетной заметке говорилось: «Осан Батыров, житель села Бешкуби Аччинского сельского совета Зааминского района Джизакского оазиса, преувеличивает, потому что он не рабо-

---

¹ Политическая кампания, решающая все проблемы // Колхоз галабасы (Заамин). 1935. 2 февраля.

тает в колхозе, он с кем-то контактирует, и его считают люди „врагом народа“»².

Обратимся к историческим свидетельствам: в номере газеты «Колхоз галабаси» Зааминского района за январь 1935 г. была опубликована статья «Представитель криминальной деревни». В ней шла речь о том, что в Бешбулаке представитель села Бозахона Хазраткулов назвал одиночных хозяев кулаками, запугивая их и вымогая взятку. Те, кто не хотел платить, были вынуждены покинуть село. Например, житель села Собиров взял у Фармона Шамурзакова три пуда пшеницы, три пуда ячменя и шесть пудов зерна в качестве «семян». Кроме того, ему удалось собрать по 500 сумов с нескольких человек, которых он обещал оправдать. В статье также сообщалось, что председатель Дахинского совета Мирзаёров знал о деятельности этого человека, но не обращал на нее внимания³.

Однако следует также отметить, что среди лидеров, вставших на сторону советской власти, было также множество патриотов-борцов за интересы народа, которые старались относиться ко всем одинаково. Но советское правительство пыталось уволить таких людей и даже привлечь их к ответственности.

Рассмотрим несколько примеров. Председатель Култепинского сельского совета Муминов со времени вступления в должность плохо «служил» партии. В результате он оказался уволен на том основании, что являлся пьяницей, и был передан районному прокурору, что должно было служить предостережением другим сельсоветам⁴. Другой видной фигурой в то время был председатель колхоза «Янги обод» Четарикского совета Зааминского района Хайдар Турдиалиев.

---

² Батыров-купец // Колхоз галабаси (Заамин). 1935. 19 января.

³ Представитель криминальной деревни // Колхоз галабаси (Заамин). 1935. 19 января.

⁴ Муминову дано сокрушительный удар // Колхоз галабаси (Заамин). 1935. 7 февраля.

Он неоднократно подвергался давлению за прием в колхоз таких «кулаков», как Остона Нортоева, Гейдара Чапаколова и Толибоя Мисирова из Мирзачульского района⁵.

Советская власть давила не только на самих «кулаков», но и на их ближайших родственников. Например, председатель колхоза «Бирлашган» сельсовета Четарик Димикул Карабеков был одним из тех людей, чей отец в свое время был обвинен в «кулачестве» из-за нажитого имущества. В результате не только отец, но и сын оказались под давлением. Свидетельством этого являются статьи «Очистить колхоз „Бирлашган“ от „кулаков!“» и «Долой „кулаков“!», опубликованные в газете «Колхоз галабаси» в марте 1935 г.

Согласно имеющимся данным, Мамадияр, Ахмадияр, Нуруллах, Сайдулла и Хаким, сыновья Аллаера Кази, Даниярь Кази и Маматкул Байвачча из села Ям в Заамине были арестованы по обвинению в сопротивлении руководству колхоза и измене. Ахад Самиев, работавший в сельской школе в Заамине, в 1937 г. оказался уволен за то, что был имамом, Мамат Латипов — за то, что в прошлом был сыном богатого купца, и так далее. Некоторые из них были обвинены в «кулачестве».

Действительно, эта ужасающая политика, проводимая Советами, в некоторых случаях приводила к распаду целых семей, к личным трагедиям. Людей заставляли скрывать свое социальное происхождение, отказываться от отцов, братьев или сестер, чтобы оправдать свое имя и получить работу. Изучая архивные источники, мы можем увидеть, что граждане преследовались или наказывались партией даже за незначительные ошибки, за незнание структуры и сущности Советского государства, которое должно было быть построено [Алиякулова, 2012. С. 45].

---

⁵ Колхоз «Янгиабд» в руках чужих // Колхоз галабаси (Заамин). 1935. 2 февраля.

Так в исследуемые годы сформировалась система, которая пыталась закрепить тоталитарную политику, основанную на использовании репрессивного аппарата. В Джизакском оазисе, несомненно обладавшем своей спецификой, этот процесс в целом протекал так же, как и в других регионах республики. Работников совхозов и парторганизаций исключили из партии по сфабрикованным обвинениям.

В первое время в деревнях не существовало условий для содержания отобранного у середняков крупного рогатого скота и овец, коз, лошадей и ослов. Но даже позднее, когда были созданы фермы и совхозы, среди местного населения все равно не хватало квалифицированных специалистов для управления созданными хозяйствами. Поэтому на должности директора совхоза, секретаря райкома и председателя исполкома партийно-советское руководство пыталось привлечь людей из столицы Узбекской ССР — Самарканда, а также из европейской части бывшего СССР. Как правило, они не знали местного языка, обычаев и условий, вследствие чего были не способны объединить сельское население и работать в согласии.

Литература и источники

Алиякулова Д. Д. Совет хокимиятининг Узбекистондаги катагон сиёсати ва унинг оқибатлари (XX аср 20–80 йиллари. Жанубий вилоятлар мисолида) т. ф. н. даражаси учун ёзилган диссертация. Тошкент, 2012. 144 б.

Набиев А. Мустақиллик учун кураш ёхуд парчаланган. Туркистон тарихи. Тошкент: Ёзувчи, 1998. 96 б.

Ўзбекистоннинг янги тарихи. 2-китоб. Ўзбекистон совет муштамлақачилиги даврида. Тошкент: Шарқ, 2000. 312 б.

Елена Сергеевна Кравцова

Институт истории СО РАН
630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
✉ kravtsova.kes@gmail.com

DOI 10.25205/978-5-4437-1280-2-110-116

**ПРЕДИСЛОВИЯ И ВВОДНЫЕ СТАТЬИ
К ЛИТЕРАТУРНЫМ ПАМЯТНИКАМ ЭПОХИ
ВОЗРОЖДЕНИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ACADEMIA»
КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ КОММУНИКАЦИИ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ С СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ
(1931–1934 ГГ.)**

Издательство «Academia» было основано в 1921 г. членами философского общества при Петроградском университете. Первоначально издательскую политику «Academia» определял А. А. Кроленко (1889–1970), выпускавший преимущественно книги, посвященные авангардному искусству и актуальным вопросам литературоведения. В 1927 г., с приходом в издательство М. Горького (1868–1936), там появилась новая серия под названием «Сокровища мировой литературы». Она получила статус основной после 1929 г., когда Кроленко был отстранен от работы, а контроль над издательством, переехавшем в Москву, полностью перешел к большевикам и Горькому [Крылов, 1993]. С 1929 по 1937 г. «Academia» выпускала шедевры мировой литературы, привлекая к оформлению лучших художников, а к переводу — лучших специалистов.

Книги издательства, выпущенные в «московский» период, представляют особый интерес не только для библиофила, но и для ис-

---

© Е. С. Кравцова, 2021

следователя отношений советской власти и академической интеллигенции. В некоторых случаях открывающее предисловие к литературному памятнику было написано представителем партии большевиков, а следующее — от переводчика, как правило, являвшегося представителем досоветской интеллигенции. Анализ предисловий к литературным памятникам эпохи Возрождения как формы скрытого диалога между властью и «старыми специалистами», между издательством и читателями, между прошлым и настоящим, позволяют сделать некоторые промежуточные выводы о том, какие стратегии большевики использовали для рефлексии о настоящем, и как с ними взаимодействовала группа интеллигенции, работавшая в «Academia».

В 1920-е гг. историки-марксисты нового советского государства создавали «свою» линию истории, диалектичную истории «буржуазного», капиталистического мира, обреченного на гибель. В контексте стремительно менявшихся общества, экономики и политического режима, чтобы придать легитимность настоящему моменту, выстраивалась линия из настоящего в прошлое, с применением марксистского метода. Крайней точкой отсчета на протяжении 1920-х гг. была Французская революция XVIII в. [Всесоюзная конференция историков-марксистов, 1929].

В середине 1920-х гг. в сферу внимания наркома просвещения А. В. Луначарского (1875–1933) вошла эпоха Возрождения. Луначарский считал, что создаваемая большевиками советская культура должна взять все самое лучшее из культур прежних миров, в том числе из культуры эпохи Возрождения, которая, по мнению Луначарского, создавалась «специфической группой специалистов идеологии», гуманистами-интеллигентами, по заказу буржуазии, с целью окончательно победить феодальное средневековое мировоззрение [Луначарский, 1964. С. 87]. Теперь, когда буржуазия прошла свой жизненный цикл, интеллигенция должна, как считал Луначарский, перейти на службу пролетариату-победителю [Там же. С. 112].

Такого рода союз представителей «класса-победителя» (пролетариата) и интеллигенции создавался в издательстве «Academia», главным редактором которой Луначарский являлся с 1930 по 1932 гг. [Луначарский, 1970]. Под его редакцией, совместно с авторитетным «старым специалистом», историком эпохи Возрождения, профессором А. К. Дживелеговым (1875–1952) были изданы два знаковых произведения эпохи Возрождения: «Жизнеописания...» Джорджо Вазари [Вазари, 1933] и «Фацетии» Поджо Браччолини [Браччолини, 1934]. Всего в издательстве в период 1929–1937 гг. вышло четыре произведения эпохи Возрождения, снабженных вступительными статьями, одновременно, и представителей партии большевиков, и «старых специалистов». Рассмотрим два из них: «Похвалу глупости» гуманиста Северного Возрождения Эразма Роттердамского (1466–1536) [Эразм Роттердамский, 1931], и первый том сочинений итальянского мыслителя и политического деятеля Николо Макиавелли (1469–1527) [Макиавелли, 1934].

Вступительную статью от редакции к сатирическому сочинению Эразма Роттердамского «Похвала глупости» написал И. Т. Смилга (1892–1937) — большевик, революционер, красный командир, зам-председателя Госплана, активный партийный политик, участник левой оппозиции, раскаявшийся в 1930 г. Вторую вступительную статью — участник Первой мировой войны, корреспондент, литературовед, писатель и переводчик П. К. Губер (1886–1941).

В предисловии Смилга обозначил актуальность произведения. По его мнению, в XVI в. было создано «несравненное оружие», которым буржуазия в XVIII в. окончательно разгромила «старый режим», — культура эпохи Возрождения. Эразм Роттердамский, хоть и был политически индифферентным, тем не менее, создавал произведения, которые «гремели в его время и не потеряли своей прелесть и теперь» [Эразм Роттердамский, 1931. С. 15]. Антикатолическая «Похвала глупости» Эразма — один из «самых боевых документов Возрождения» [Там же. С. 18]. Смилга пришел к выводу, что оружие,

выкованное гуманистами для победы класса буржуазии над феодалами, теперь должно по праву наследства перейти пролетариату, который «поднимет человечество на высшую ступень» [Там же. С. 19].

Второе предисловие, от переводчика, предстает подчеркнуто академичным. Губер подробно описал гуманистический мир Эразма Роттердамского, обстоятельства, в которых Эразм задумывал, создавал и издавал «Похвалу глупости». Вместе с тем текст завершает фраза, актуализирующая «похвалу» для борьбы с буржуазным миром, карикатурные образы которого угадываются в перечислении новых личин Глупости: «...иные страницы „Похвального слова“... по-прежнему бьют в цель. Царица Глупость продолжает править миром... во фраке дипломата, в солидном сюртуке университетского профессора, в элегантном пиджаке бульварного журналиста» [Там же. С. 38].

Разные по лексике предисловия Смилги и Губера подчеркивают особенности симбиоза большевиков и академической интеллигенции в издательстве «Academia». Одним требуется оружие для последней классовой войны, другие это оружие передают с языка эпохи и другого народа — на русский язык, с контекста создания — в контекст актуального применения. Одни выдвигают тезис об исторической предопределенности появления советского государства, в котором правит пролетариат, будущий победитель буржуазии, другие авторитетно подтверждают этот тезис фактами.

В 1934 г. в ленинградском отделении «Academia» вышел первый том сочинений Николо Макиавелли (второй, заключительный, так и не вышел). Открывают издание две статьи — Л. Б. Каменева (1883–1936), возглавлявшего издательство с 1932 г., и А. К. Дживелегова.

Каменев в своем тексте обещал окончательно разъяснить истинный смысл терминов «макиавеллизм» и «макиавеллевская политика». «Очищая» тексты Макиавелли от историографических искажений (то есть создавая еще один историографический пласт), Каменев фокусирует внимание читателя на том, что Макиавелли, стоя около

самого центра борьбы за власть, описывал механику «самой борьбы за власть в пределах узкой социальной группы, на переломе от феодализма к капитализму» [Каменев, 2002. С. 503] и стремился воздействовать непосредственно на эту механику. Каменев выстраивает две историографические линии: одна — от власть имущих и зависящих от них, объявивших Макиавелли нечестивым циником. Вторая — от Фрэнсиса Бэкона, отца английского материализма, к молодому Марксу, выписывавшему цитаты из Макиавелли в тетрадь, где набрасывался «Коммунистический манифест», и к Энгельсу, поместившему Макиавелли в ряд «титанов Возрождения», «разрушителей феодальной культуры». Наконец, к Ленину и Сталину, доведшим до конца работу по «обнажению подлинной природы власти в классовом обществе» [Там же. С. 504–506].

Если Каменев выстраивал линию от Макиавелли к Сталину, то Дживелегов — от Макиавелли к античным авторам, с которыми флорентийский мыслитель беседует и чью мудрость воспринимает без посредников [Дживелегов, 2002. С. 530]. Выйдя за пределы своего времени, Макиавелли смог отказаться от современных ему морали и этики. Это позволило ему провести объективный анализ современного общества. По мнению Дживилегова, Макиавелли первым доказал, что классовая борьба — это борьба политическая, а в основе ее лежат мотивы экономические [Там же. С. 546–547]. Будучи не только теоретиком, но и практиком, Макиавелли был готов идти на любые меры, совершать самые беспринципные поступки, лить реки крови — все ради родины, Флоренции и, в конечном счете, Италии, которой грозит гибель под напором иностранных захватчиков, если она не объединится волей Государя [Там же. С. 373]. Поэтому даже самые аморальные действия правителя оправданы, если они ведут к созданию государства нового типа [Там же. С. 563–564].

Оба предисловия создают определенное восприятие прошлого во всей его протяженности, от античности до настоящего времени. При этом Каменев задал исторический вектор мысли читателя вперед,

в будущее: от Макиавелли, «от эпохи крушения феодализма до эпохи пролетарских революций», до Сталина. А Дживелегов рисует яркими красками картины прошлого, наполняет их эмоциями и объясняет отсутствие общепринятых норм морали у Макиавелли тем, что последний обращался к авторам времен античности, в прошлое.

Таким образом, в издательстве «Academia» можно наблюдать сплоченную группу большевиков, транслирующую, в общем, единую систему представлений. Эта группа искала в прошлом опору, объяснение текущему политическому режиму через выстраивание «истинной» последовательности исторических событий. Интеллигенция обеспечивала такую возможность, будучи и переводчицами, и авторитетными знатоками фактов. Однако остается вопрос: кому предназначался конечный продукт, созданный в издательстве? Кто должен был вести «разговор с древними» в строго направленном русле и, опираясь на прошлое, выстраивать стратегии действий в будущем? Учитывая роскошный внешний вид книг и их высокую цену можно утверждать, что это был не массовый читатель-пролетарий, а новая советская элита, реакция которой на книги издательства «Academia» представляет отдельный интерес.

Литература и источники

Браччолини П. Фацетии / пер. с лат., вступит. статья и коммент. А. К. Дживелегова; предисл. А. В. Луначарского. М.; Л.: Academia, 1934. 356 с.

Вазари Д. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Т. 1 / ред. и вступит. статья А. К. Дживелегова, А. Эфроса; предисл. А. В. Луначарского. М.; Л.: Academia, 1933. 448 с.

Всесоюзная конференция историков-марксистов. IV. Секция истории Запада // Историк-марксист. 1929. № 11. С. 246–258.

Дживелегов А. К. Никколо Макиавелли / Макиавелли: pro et contra. Личность и творчество Николо Макиавелли в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / сост. В. Сапов. СПб.: Из-

дательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 2002. С. 508–575.

Каменев Л. Б. Предисловие [к 1-му тому собрания сочинений Н. Макиавелли] / Макиавелли: pro et contra. Личность и творчество Николо Макиавелли в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / сост. В. Сапов. СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 2002. С. 502–506.

Крылов В. В. Издательство «Academia» — бесценный вклад в духовную культуру // Вестник Российской академии наук. 1993. Т. 63, № 4. С. 348–357.

Луначарский А. В. История западноевропейской литературы в ее важнейших моментах // *Он же.* Собрание сочинений в 8 т. М.: Художественная литература, 1964. Т. 4. С. 7–366.

Луначарский А. В. Неизданные материалы. М.: Наука, 1970. 672 с.

Макиавелли Н. Сочинения. Т. I / пер. А. Г. Габричевского, А. К. Дживелегова, М. А. Петровского, М. С. Фельдштейна, С. В. Шервинского; ред. и ст. А. К. Дживелегова; ст. Л. Б. Каменева. М.; Л.: Academia, 1934. 508 с.

Эразм Роттердамский. Похвальное слово глупости / пер. и комм. П. К. Губера, вступ. ст. И. Смилги. М.; Л.: Academia, 1931. 240 с.

Акбар Халилович Валиев

*Джизакский государственный педагогический
институт имени Абдуллы Кадыри
130100, Узбекистан, г. Джизак, пр-т Ш. Рашидова, 4
✉ akbarxon1962@mail.ru*

DOI 10.25205/978-5-4437-1280-2-117-122

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА УЗБЕКИСТАНА В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Актуальность данной темы определяется тем, что трудовые отношения в истории каждого государства являлись локомотивом развития общества, а решение проблемы создания новых рабочих мест и обеспечение занятости населения в условиях социально-ориентированной рыночной экономики становится более актуальной социальной проблемой, изучением которой стали заниматься не только экономисты, но и историки. Политика государства в сфере занятости населения непосредственно связана с политическим устройством государства, созданием нормативно-правовых основ занятости и проведением активной социальной защиты населения.

В условиях советской власти модель занятости определялась: сравнительно низкими ценами, стабильно низкой зарплатой, высокой долей бесплатных услуг, слабыми стимулами, неэффективным трудом, дефицитом рабочей силы и товаров. Накануне распада СССР ситуация также усугублялась безработицей, что привело к заметному росту социальной напряженности в советском обществе. С целью ее смягчения на состоявшейся в январе 1991 г. IV сессии Верховного Совета СССР были приняты «Основы законодательства Союза ССР

и Республик „О занятости населения“»¹. На базе этого документа в союзных республиках также была развернута работа над созданием новых законов, направленных на обеспечение занятости населения.

Президент Узбекистана, судя по всему, придавал особое значение задачам, связанным с демографическими особенностями республики, оптимальным использованием трудовых ресурсов и увеличением занятости населения. Подтверждением этого стало издание 5 мая 1991 г. Указа Президента «О преобразовании государственного комитета Республики Узбекистан по труду и социальным вопросам в Министерство труда Республики Узбекистан»².

В соответствии с этим документом были сделаны реальные шаги в направлении решения проблем занятости населения в условиях рыночной экономики. Только в одной Хорезмской области было создано 12 бирж труда, на которые в середине июля 1991 г. в поисках работы обратились 18 тыс. человек. Из них шести тысячам была предложена работа и около тысячи человек были трудоустроены [Бекниёзов, 1991. С. 2].

С целью преодоления негативных последствий безработицы 13 января 1992 г. был принят закон «О занятости населения», определивший организационные, правовые и социально-экономические гарантии реализации прав человека на получение работы в условиях рыночной экономики и равноправия различных форм собственности. Данный закон создает условия занятости населения, основанные на нормах Конституции Республики Узбекистан и международного права [Валиев, 2019].

---

¹ Основы законодательства Союза ССР и Республик «О занятости населения» // Правда Востока (Ташкент). 1991. № 24. С. 2.

² Указ президента Республики Узбекистан «О преобразовании государственного комитета Республики Узбекистан по труду и социальным вопросам в Министерство труда Республики Узбекистан» // Правда Востока (Ташкент). 1991. № 102. С. 1–2.

На начальном этапе экономических реформ в Узбекистане наблюдались снижение удельного веса государственного сектора в общей численности занятого населения и увеличение доли в ней негосударственных структур. Так, только в 1993 г. численность работающих на государственных предприятиях сократилось на 370 тыс. человек. В то же время в негосударственном секторе численность работающих, напротив, увеличилась по сравнению с 1992 г. на 315 тыс., составив тем самым 3,6 млн человек [Там же].

В системе государственного управления занятости за последние два десятилетия произошли значительные изменения. Исходной точкой для проведения последующих реформ в Республике Узбекистан явилась утвержденная Указом Президента Республики Узбекистан от 7 февраля 2017 г. № УП-4849 Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики в 2017–2021 гг. (далее — Стратегия). Четвертое направление данной Стратегии — «Развитие социальной сферы» — предусматривает в том числе реализацию мер по повышению занятости населения [Неустойчивая занятость, 2018. С. 6].

Для решения намеченных Стратегией задач Указом Президента Республики Узбекистан от 24 мая 2017 г. № УП-5052 «О мерах по дальнейшему совершенствованию государственной политики в сфере занятости и коренному повышению эффективности деятельности органов по труду» Министерство труда было преобразовано в Министерство занятости и трудовых отношений. Данная реформа была ориентирована на внедрение новых подходов к реализации государственной политики в сфере занятости, становление инфраструктуры рынка труда, в том числе на основе государственно-частного партнерства, воплощение действенных мер по обеспечению рабочими местами незанятого населения.

17 октября 2018 г. Президент Узбекистана подписал Закон «О частных агентствах занятости». Документ был принят 6 сентября Законодательной палатой, 27 сентября одобрен Сенатом Республи-

ки Узбекистан и вступил в силу в день его официального опубликования. Закон учитывает наращивание и расширение возможностей трудоустройства населения как на государственных предприятиях, так и за рубежом, точное регулирование механизмов взаимодействия государственных служб и частного сектора, а также определение порядка и условий оказания услуг в сфере занятости³.

На состоявшемся в декабре 2018 г. торжественном собрании, посвященном 26-летию принятия Конституции Республики Узбекистан, Президент Шавкат Мирзиёев заявил: «Нам нужно принять безотлагательные меры по обеспечению занятости населения и сокращению уровня безработицы. Возникает вопрос: каково реальное число безработных в нашей стране? Какой процент населения занят в неофициальном секторе? Сколько наших соотечественников уехали за рубеж в поисках работы? Нам следует понять, что один безработный — это десять проблем. Если попытаться оценить потенциальный ущерб, наносимый семье, махалле, обществу, вы увидите, насколько острым является этот вопрос»⁴.

С целью регулирования отношений в этой области 20 октября 2020 г. был принят Закон «О занятости населения». Нормативный акт состоит из 19 глав и 123 статей, объединенных в своеобразный кодекс законодательства о занятости. Ранее сфера занятости функционировала в соответствии с Законом, действовавшим с 1 мая 1998 года.

---

³ Закон Республики Узбекистан от 16.10.2018 г. N ЗРУ-501 «О частных агентствах занятости» [Электронный ресурс] // Norma-online. URL: [https://nrm.uz/contentf?doc=564397_zakon_respubliki_uzbekistan_ot_16_10_2018_g_n_zru501_o_chastnyh_agentstvah_zanyatosti_\(prinyat_zakonodatelnoy_palatoy_06_09_2018_g_odobren_senatom_27_09_2018_g_\)](https://nrm.uz/contentf?doc=564397_zakon_respubliki_uzbekistan_ot_16_10_2018_g_n_zru501_o_chastnyh_agentstvah_zanyatosti_(prinyat_zakonodatelnoy_palatoy_06_09_2018_g_odobren_senatom_27_09_2018_g_))&products=1_ (дата обращения 28.10.2021).

⁴ Доклад Президента Шавката Мирзиёева на торжественном собрании, посвященном 26-летию принятия Конституции Республики Узбекистан [Электронный ресурс] // Президент Республики Узбекистан. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/2180> (дата обращения 28.10.2021).

Разработка и принятие новой редакции Закона «О занятости населения» обусловлены рядом объективных обстоятельств. За прошедшие 22 года рынок труда претерпел значительные преобразования, количество занятого населения увеличилось с 8,8 млн до 13,5 млн человек, то есть в 1,5 раза, а число работодателей — с 203,2 тыс. до 928,9 тыс., или в 4,5 раза [Зотов, 2020. С. 1–2].

28 апреля 2021 г. было опубликовано Постановление Президента Республики Узбекистан «О Государственной программе создания новых рабочих мест и содействия занятости населения на 2021 год»⁵. Основная цель документа — внедрение новых действенных механизмов всестороннего содействия повышению занятости и увеличению доходов населения, обеспечение занятости безработных, особенно молодежи и женщин, выпускников, впервые вступающих на рынок труда, создания благоприятных условий для привлечения к трудовой деятельности уязвимых слоев населения, а также дальнейшего стимулирования деятельности субъектов предпринимательства, создающих рабочие места⁶.

Таким образом, стремительный рост трудовых ресурсов в Узбекистане на современном этапе обусловил внедрение новой, более обдуманной системы программ по обеспечению занятости населения. Принятые меры способствовали полному исключению детского труда, а также созданию достаточной нормативно-правовой базы

---

⁵ О Государственной программе создания новых рабочих мест и содействия занятости населения на 2021 год [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ: пространство интеграции. URL: <https://e-cis.info/news/567/91954/> (дата обращения 28.10.2021).

⁶ О Государственной программе создания новых рабочих мест и содействия занятости населения на 2021 год [Электронный ресурс] // Ўзбекистон Миллий Ахборот агентлиги. 28.04.2021. URL: https://uza.uz/ru/posts/o-gosudarstvennoy-programme-sozdaniya-novyx-rabochix-mest-i-sodeystviya-zanyatos-ti-naseleniya-na-2021-god_262132 (дата обращения 28.10.2021).

для предупреждения и недопущения принудительного труда, что было высоко оценено мировым сообществом.

Литература и источники

Бекниёзов О. Состояние занятости Хорезмской области // Правда Востока (Ташкент). 1991. № 176. С. 2.

Валиев А.Х. Решение вопросов занятости населения в условиях Узбекистана // Будущее сферы труда: глобальные вызовы и региональное развитие: сборник статей Международного форума / под ред. Г.Р. Баймурзиной, Р.М. Валиахметова. Уфа: «Мир печати», 2019. С. 274–279.

Зотов А. Инструмент государственной политики // Правда Востока (Ташкент). 2020. 4 ноября. № 229 (29459). С. 1–2.

Неустойчивая занятость в Узбекистане: состояние, проблемы и пути их решения. Ташкент: ПРООН, 2018. 168 с.

Жамшид Эшбоевич Тошбоев

*Джизакский государственный педагогический
институт имени Абдуллы Кадыри
130100, Узбекистан, г. Джизак, пр-т Ш. Рашидова, 4
✉ yanajamshid@mail.ru*

DOI 10.25205/978-5-4437-1280-2-123-128

ПРОЦЕССЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В УЗБЕКИСТАНЕ (2016–2021 ГГ.)

В процессе построения демократического государства и обеспечения собственной стратегии развития Узбекистан уделяет большое внимание обеспечению стабильности в различных сферах политической жизни. На современном этапе, который характеризуется стремительными трансформационными процессами, вызванными глобализацией и модернизацией политической системы, систематическое проведение важных реформ в политической жизни стало социальной необходимостью. Президент Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиёев в своем послании Олий Мажлису в декабре 2017 г. заявил: «Сегодня мы идем по пути инновационного развития, направленного на коренное обновление всех сфер жизни государства и общества. Конечно, это не зря. Потому что кто победит в сегодняшнем быстро меняющемся мире? Государство, основанное на новом мышлении, новых идеях и инновациях, победит»¹. Описанная ситуация обусловлена демократизацией общества. В этом контексте в процессе перехода от сильного государства к сильному обществу возникает необ-

---

¹ Ўзбекистон Республикаси Президенти Ш. Мирзиёевнинг Олий Мажлисга Мурожаатномаси // „Халқ сўзи“ газетаси. 2017. 23 декабрь.

© Ж. Э. Тошбоев, 2021

ходимость изучения и анализа основных механизмов обеспечения стабильности политической системы.

Демократизация политической жизни неразрывно связана с трансформационными процессами. Как сложноструктурированная модель включает в себя пять основных этапов: появление реформаторов, их приход к власти, конфликтующая либерализация (то есть столкновение новых представителей с существующей властью), соглашение с нынешней властью и поддержка оппозиции [Ашимбаев, 2002].

Фактически демократизация политической системы в результате процесса трансформации произойдет только после перечисленных выше этапов. Это связано с тем, что политическая система проявляет себя в изменчивости в зависимости от воли лица, принимающего политические решения. Четко определяются цели и задачи общественного развития, меняется структура общества, место и роль социальных слоев и групп. Эти изменения, в свою очередь, создают объективную возможность и необходимость перехода (изменения) от одной политической системы к другой.

За годы независимости в результате трансформации политической системы в Узбекистане произошли качественные изменения в политической системе общества и государственного управления. В результате трансформации политической системы радикально изменилась деятельность государственной администрации, правительства, политических партий и институтов гражданского общества. В том числе был введен институт президентства, учреждены парламент, разделенный на нижнюю (законодательную) и верхнюю (сенат) палаты, и должность премьер-министра, осуществлен переход от однопартийной к многопартийной политической системе, возросла роль институтов гражданского общества.

Этот процесс ускорился с момента вступления в должность Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева. В своем Послании Олий Мажлису 22 декабря 2017 г. глава государства подчеркнул необходимость отказа от централизации государственного управле-

ния и передачи ряда полномочий от центра к региональным органам. Для привлечения инвестиций на места в районах, городских и областных хакимиятах были учреждены должности заместителей хакимов по инвестициям. Также отмечалось, что полномочия по назначению глав территориальных управлений были переданы хакимам в результате децентрализации.

Одним из важных шагов в сторону усиления ответственности руководителей местных исполнительных органов и ликвидации деятельности представительных органов губернатора, является Указ Президента Республики Узбекистан от 17 августа 2018 г. «О правовом эксперименте по введению отдельного режима управления в Ташкенте». В Послании Олий Мажлису 28 декабря 2018 г. Президент Узбекистана подчеркнул необходимость пересмотра полномочий и ответственности местных властей, повышения их устойчивости и введения позитивного эксперимента в сфере государственного управления в других регионах.

В результате трансформации политической системы в Узбекистане были установлены фактически прямые отношения граждан с государственными органами. Этот уникальный механизм, который проверялся и совершенствовался годами, был представлен мировому сообществу как одно из наших достижений на пути к истинной демократии. Президент Ш. М. Мирзиёев с высокой трибуны Генассамблеи ООН поставил в качестве глобальной цели укрепление механизмов осуществления народной власти не на словах, а на практике.

Власть народа — один из важнейших принципов, воплощенных в идее прямого общения, то есть «гражданин — государство». В этом видится основа взаимосвязанности недавних реформ во всех сферах жизни Узбекистана. Достаточно сказать, что наши соотечественники совместно разработали «дорожную карту» страны на ближайшее время, которая после публичного обсуждения была одобрена. Сегодня она признана международными экспертами.

В соответствии с Постановлением Президента Республики Узбекистан от 4 июля 2018 г. № ПК-3837 «О мерах по организации деятельности Общественных советов при государственных органах» по развитию и укреплению независимых институтов гражданского общества в стране, комплексно и последовательно. Прделана работа по обеспечению их открытой, прозрачной работы, по установлению эффективного общественного контроля за деятельностью государственных органов. В частности, созданы Виртуальная приемная Президента Республики Узбекистан и Народная приемная, принят Закон Республики Узбекистан «Об общественном контроле», регулирующий отношения в области организации и осуществления общественного контроля за деятельностью государства, органов и учреждений. При этом созданы правовые механизмы для реализации социального партнерства государственных органов с неправительственными организациями и другими институтами гражданского общества, сформирована правовая база прозрачности государственных органов, система рассмотрения обращений физических лиц и юридических лиц радикально реформированы, постепенно внедряется система электронного правительства.

Анализ обращений в Виртуальную приемную Президента Республики Узбекистан и Народную приемную, а также результатов встреч представителей власти с гражданами играют важную роль в налаживании эффективного диалога между государством и обществом. Кроме того, налажена практика хождения по домам, изучения и решения различных, в том числе социально-экономических проблем населения до поступления жалоб по тому или иному вопросу. Внедрена система межрегионального обмена опытом. Все это позволяет не только решить большинство проблем на месте, но также установить их причины и выработать комплексный подход к их решению в будущем. Неслучайно президент Ш. М. Мирзиёев продвигал идею о том, что «народ должен служить нашему народу, а не государственным органам» и что «каждый государственный служащий должен

каждый день доказывать, что он достоин своего положения» [Шавкат Мирзиёев, 2016. С. 20].

Президент требует от руководителей, прежде всего, личной ответственности. У руководства есть особые обязанности, и поэтому всегда было нелегко нести его бремя. Пока руководители не берут на себя ответственность и подотчетность лично, это равносильно обману и предательству людей, которые их уважают и им доверяют.

Взаимодействие с людьми с учетом обращений физических и юридических лиц, обеспечение прозрачности в деятельности органов государственной власти и управления требуют большой ответственности, знаний, навыков и умений должностных лиц. Ведь в процессе общения люди обмениваются идеями, влияют друг на друга, приходят к взаимопониманию. Поэтому общение — один из самых важных и сложных процессов в жизни человека. Благодаря строительству общественных приемных граждане увидели новый облик государства: современные технологии позволяют удаленное онлайн-обслуживание через Интернет.

Судить о процессах в политической жизни Узбекистана помогает индекс трансформации «Bertelsmann stiftung 2020» (ВТИ). Анализируя показатели страны, можно констатировать положительные тенденции. Индекс политической трансформации ВТИ состоит из пяти критериев, которые основаны на экспертных оценках по 18 показателям. Это включает обеспечение верховенства закона и государственности, а также признание, представительство и политическую культуру демократической системы.

В индексе политической трансформации за 2018 г. Узбекистан занял 115-е место из 129 с оценкой 3,17, а в 2020 г. — 105-е из 137, поднявшись на 3,63 балла. В частности, эксперты признали, что субиндикаторы «Верховенство закона», «Стабильность демократических институтов», «Политическая и социальная интеграция» и «Политическое участие» значительно улучшились. Особое место в этих позитивных изменениях принадлежит достижениям законодательной

и судебной систем страны за последние годы, введению парламентского контроля на местах, последовательным реформам в области борьбы с коррупцией².

Внедрение механизмов и методов своевременного решения жизненно важных проблем граждан, последовательная реализации благородной идеи «Интересы человека превыше всего», а также провозглашение 2017 года в Республике Узбекистан «Годом диалога с народом и интересов человека» ознаменовали период перемен. Для изменения политической системы не достаточно только объективных или только субъективных факторов, необходимо их органичное сочетание.

Трансформация политической системы имеет особое значение для развития гражданского общества. Социальная структура общества, место и роль в нем различных социальных групп, исторические особенности политической системы и другие политические факторы, определяющие взаимоотношения между основными субъектами политической жизни, а также общественное сознание должны находиться в гармонии друг с другом. Только при сбалансированном развитии вышеперечисленного будет обеспечена стабильность общества. Важно при этом, чтобы политические реформы проводились активно, то есть трансформация поддерживалась государством.

Литература и источники

Ашимбаев М. С. Политический транзит: от глобального к национальному измерению. Астана: «ЕЛ ОРДА», 2002. 304 с.

Шавкат Мирзиёев. Эркин ва фаровон, демократик Ўзбекистон давлатини биргаликда барпо этамиз. Ташкент: «Ўзбекистон», 2016. С. 6–20.

---

² «Bertelsmann stiftung's transformation index 2020»: Ўзбекистон кўрсаткичлари [Электронный ресурс] // «Тараққиёт Стратегияси» маркази. URL: <https://strategy.uz/index.php?news=994> (дата обращения 28.10.2021)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

Акчаев Ф. Ш.....	22	Мажидов А. Ф.....	104
Борисов А. А.	41	Моисеев М. В.	34
Валиев А. Х.....	117	Мухамедов Ш. Б.	53
Вебер М. И.	70	Пардаев А. Х.	22
Дементьев А. П.	61	Тошбоев Ж. Э.....	123
Денисов С. А.	3	Тошбоев Ф. Э.	14
Дробченко В. А.	61	Тутаев И. В.	46
Каримова Н. И.....	7	Чемакин А. А.	96
Конев К. А.	82	Шереметьева Д. Л.....	89
Кравцова Е. С.....	110		

СОДЕРЖАНИЕ

Политическая коммуникация в полиэтничном пространстве Евразии (XV–XIX вв.)

Денисов С. А. Прусские землевладельцы в политике Тевтонского ордена в XV в.	3
Каримова Н. И. По пути торговых караванов: проблемы сотрудничества и межкультурной коммуникации на евразийском пространстве (вторая половина XV — начало XX в.)	7
Тошбоев Ф. Э. Этнокультурные процессы в узбекских ханствах (XVI–XIX вв.).....	14
Пардаев А. Х., Акчаев Ф. Ш. Этнополитические процессы джизакского оазиса в XVI–XIX вв.	22
Моисеев М. В. Коммуникационные стратегии русских посольств на мусульманском востоке в XVI–XVII вв.	34
Борисов А. А. Дефиниции улусной системы якутов в практике регионального управления России XVII–XVIII вв.: роды, волости, наслеги, улусы	41
Тутаев И. В. «Китайский плутовской устав» как основа регулирования коммуникации между русскими и китайскими торговцами в XVIII–XIX вв.: историко-правовой анализ документа	46
Мухамедов Ш. Б. Политика краевого руководства в Туркестанском генерал-губернаторстве в отношении народного образования.....	53

**Политическая коммуникация
в мультикультурном пространстве:
российский, советский и постсоветский опыт (XX–XXI вв.)**

Дементьев А. П., Дробченко В. А. Межпартийные отношения в Сибири после свержения самодержавия (март — октябрь 1917 г.)	61
Вебер М. И. Начальник контрразведки Западной армии Колчака Н. Ф. Новицкий: штрихи к биографии	70
Конев К. А. Конструирование образа Антанты и США в большевистской и антибольшевистской периодической печати (1918–1920 гг.): сравнительный анализ	82
Шереметьева Д. Л. Политическая коммуникация в контексте новониколаевских городских выборов в июне 1919 года	89
Чемакин А. А. Выборы в городские думы Терско-Дагестанского края (лето — осень 1919 г.): Избирательная система, электоральное поведение населения, итоги голосования	96
Мажидов А. Ф. Репрессивная политика советской власти в Узбекистане (1930-е годы)	104
Кравцова Е. С. Предисловия и вводные статьи к литературным памятникам эпохи Возрождения издательства «Academia» как один из способов коммуникации интеллигенции с советской властью (1931–1934 гг.)	110
Валиев А. Х. Государственная политика Узбекистана в сфере занятости населения	117
Тошбоев Ж. Э. Процессы политической трансформации в Узбекистане (2016–2021 гг.)	123
Алфавитный указатель авторов	129

Научное издание

КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы XI Международной
научно-практической конференции
29 октября 2021 г.

Часть 2

Подготовка к печати *Т.И. Морозовой*

Верстка *А.С. Терешкиной*

Обложка *Е.В. Неклюдовой*

На обложке в качестве фона был использован
фрагмент изображения с ресурса *Header Vectors by Vecteezy*
(<https://www.vecteezy.com/free-vector/header>).

Подписано в печать 27.12.2021 г.

Формат 60 × 84 1/16. Уч.-изд. л. 8,25. Усл.-печ. л. 7,6.

Тираж 21 экз. Заказ № 282.

Издательско-полиграфический центр НГУ.
630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2

ISBN 978-5-4437-1280-2

9 785443 712802